

ФРАНСУА
ВИЙОН
СТИХИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**Москва
1963**

ФРАНСУА ВИЙОН

СТИХИ

Переводы с французского
Ф. МЕНДЕЛЬСОНА и И. ЭРЕНБУРГА

И (Фр)
В-42

François Villon
POÉSIES

Редакторы переводов
В. ДЫННИК и В. ЛЕВИК

Предисловие
Л. ПИНСКОГО

Оформление художника
А. ВАСИНА

ПОЭЗИЯ ФРАНСУА ВИЙОНА

Когда Вийону¹ шел двадцать второй год, последняя французская провинция была освобождена от английской оккупации — закончилась Столетняя война (1337—1453). В этом же году турки захватили Константинополь — пала тысячелетняя империя Византии. За три года перед тем в Германии было изобретено книгопечатание. К этим трем событиям историки приурочивают конец средних веков.

За двенадцать лет до рождения Вийона англичане заняли Париж (1419). Большая часть страны находилась в руках врага, семь лет во Франции были два короля — английской династии Плантагенетов и французской династии Валуа. В битве при Креси восьмитысячная армия отборного французского рыцарства была разгромлена английскими крестьянами и фламандскими ремесленниками. Средневековое рыцарство, дискредитированное как военная, политическая и культурная сила, умерло. О полном упадке куртуазных традиций свидетельствует роман

---

¹ В русской транскрипции имя поэта передается по-разному: Вийон, Вильон и Виллон. Последнее написание, по количеству букв совпадающее с французским (Villon), выдержано при переводе акростихов. (*Прим. ред.*)

Антуана де Ласалья «История юного Жеана де Сентре и молодой дамы Бель Кузин, иначе не названной» — лучший роман века. Он появился в 1456 году. В этом же году написано «Малое Завещание», первая поэма Вийона.

В междоусобицах войны дворянство, поддерживая иноземцев, нередко выступало как антинациональная сила. Это бургундские дворяне выдали англичанам Орлеанскую Деву, спасительницу Франции. В год, когда в Париже родился Вийон, в Руане была сожжена Жанна д'Арк (1431). Возглавляя борьбу со своевольным дворянством, королевская власть опиралась на города и народ, которые видели в ней залог национального развития. Вийону исполнилось пять лет, когда французский король Карл VII при общем ликовании народа впервые въехал во французскую столицу, только что оставленную англичанами (1436). Четверть века спустя благодаря его сыну, Людовiku XI, создателю объединенной Франции, Вийон, выйдя из тюрьмы, мог вернуться в родной Париж.

В культуре позднего средневековья ведущую роль уже играют города. Средневековый город создал искусство готики, поздний этап которой («пламенеющая готика») приходится на век Вийона. Лучший памятник французской архитектуры XV столетия — уже не собор и не феодальный замок, а дом купца Жака Кёра, богатство которого вошло у современников в поговорку; годы, когда в Бурже сооружался этот дом (1443—1451), — годы ученичества Вийона. Крупнейший мастер во французской скульптуре поздней готики, Мишель Коломб был лишь на год старше Вийона. Детищем города был и средневековый театр, расцвет которого совпадает с веком Вийона.

Художественной литературой, в особенности лирикой, это время было бедно. Но оно дало Франции ее крупнейшего средневекового поэта, а европейской литературе — одного из величайших лириков.

Детство, юность Вийона, годы его учения нам известны лишь в самых общих чертах. Еще более скудны сведения о последующих годах скитаний и тюрем, годах, обранных «Малым Завещанием» и «Большим Завещанием», когда создано почти все, что от него дошло. И уже решительно ничего мы не знаем о дальнейшей жизни поэта, — даже года его смерти.

Франсуа Монкорбье (или Делож) родился в 1431 (или в 1432) году в Париже, в бедной семье. Его отец рано скончался, оставив жену без средств. Образ матери, старой набожной женщины из народа, неграмотной и простодушной, поэт увековечил в трогательной «Балладе-молитве богородице», вложенной в ее уста.

Восьмилетнего Франсуа усыновил священник Гийом Вийон — возможно, родственник матери, который стал для него «больше чем отцом» и заботился о нем «нежнее, чем мать о своем младенце» («Большое Завещание», LXXVII). В доме этого почтенного каноника небольшой церкви св. Бенедикта на горе Святой Женевьевы, в среде бедного духовенства, отстаивавшего свое существование в борьбе с могущественным капитулом собора Парижской богоматери, но также в окружении буйного студенчества Латинского квартала с его коллегами и непокорной Сорбонной (своего рода государством в государстве тогдашнего Парижа) протекала юность Вийона.

Двенадцати лет он поступает на «факультет искусств», подготовительный факультет парижского университета, который заканчивает в 1449 году со степенью бакалавра, а через три года получает степени лиценциата и магистра искусств, дававшие право преподавать или служить клерком. Судя по хорошему знанию канцелярского языка, пародируемого в «Завещаниях», молодой Вийон добывал себе средства к существованию, помогая судебным писцам. Его приемный отец, надо

полагать, желал, чтобы способный юноша продолжал образование на юридическом факультете (сам Гийом Вийон был лицензиатом права). Но схоластическая наука, преподававшаяся в парижском университете, после двух веков расцвета переживала состояние старческого маразма. В начале следующего, XVI века поэт Клеман Маро с горечью будет вспоминать о невежественных учителях старого времени, «великих глупцах», которые его «юность погубили». Школу жизни Вийон рано предпочел «всем комментариям Аверроэса к Аристотелю».

Еще в студенческие годы он участвовал в длительной войне (1451—1455) между школярами Латинского квартала и горожанами Парижа из-за каменной глыбы, служившей межвым знаком и известной под озорным названием «Pet au Deable», которую школяры с превеликой дерзостью дважды уносили в свои владения. Эта ожесточенная война, в которой были убитые, раненые и множество арестованных,—причем на сторону мятежных студентов стало начальство Сорбонны, в знак протеста против нарушения своих прерогатив надолго прекратившее чтение лекций в университете и проповеди в церквах,—была воспета Вийоном в не дошедшем до нас комическом романе «Pet au Deable».

Молодой Вийон, вероятно, входил в самодеятельные братства народного театра и участвовал в «дураческих драмах» и «веселых проповедях». Вместе с другими «Беззаботными ребятами» (название одного из братств) он в это время завсегда тай всех парижских трактиров с колоритными названиями: «Зебра», «Бык в короне», «Мул», «Шишка» и притонов — «Толстуха Марго», «Жирная смоковница», «Зеленая корзина», «Фонарь». Круг его приятелей весьма широк, — начиная с юнцов из почтенных семей, богатых купцов, чиновников и кончая стражниками, нищими монахами, проститутками, представителями городского дна. Но он вхож и в дом парижского прево Робэра д'Эстувия, где собирались поэты. В честь своего покрови-

теля Вийон сочиняет брачную песнь с акростихом из имени его супруги («Баллада прево-младожену»).

Ум, острый язык, проделки Вийона, наконец, его стихи должны были доставить ему в Париже некоторую известность в кругах ценителей поэзии. В «Малом Завещании» (1456) он уже называет себя «преславным Вийоном». К этому времени, вероятно, были написаны баллады «Добрых советов», «Пословид», «Примет», «Истин наизнанку», «Проклятий врагам Франции». Он жаден ко всем радостям жизни, слабохарактерен, влюбчив, но собой невзрачен, а главное, страдает той же «ни с чем не сравнимой» хронической болезнью, что и Панург (который на него ссылается) у Рабле, — безденежьем.

И тош, и черен, как голик,
Деньгами скудно наделен. —

таков его автопортрет в «Малом Завещании» (XL).

Мы знаем кое-какие его горести этих лет и имена женщин, которые были к нему жестоки: Катерина де Воссель, по чьему приказанию он «был бит, как бьют белье»; Дениза, подававшая на него жалобу в суд за то, что он поносил ее в стихах; корыстная Марта — ей он оставил в «Большом Завещании» горькую балладу. До 1455 года в его типичной жизни бедного школяра и веселого клерка нет ничего необыкновенного.

Но 5 июня 1455 года, вечером, на него напал с ножом священник Филипп Сермуаз. В завязавшейся драке — по-видимому, из-за женщины — Вийон смертельно ранил противника и, скрываясь от суда, вынужден был покинуть Париж. Это убийство, акт самозащиты, вполне дозволенный обычаями, не сыграло бы никакой роли в его дальнейшей судьбе. Сам Сермуаз перед смертью простил своего убийцу, признав себя зачинщиком. Королевский суд, на имя которого Вийон подал два прошения, объявил его невиновным, а общее его поведение — безупречным, что знаменательно для репутации Вийона до 1455 года.

Однако за семь месяцев скитаний вдали от Парижа Вийон, дожидаясь судебного оправдания и оставшись без денег, связался с профессиональными преступниками и уже в октябре, как подозревают, был причастен к двум грабежам. В Париж он вернулся в начале 1456 года, готовый к иному образу жизни. В ночь на рождество он вместе с тремя соучастниками совершил ограбление Наваррского коллежа, похитив сумму в пятьсот золотых эрю, которую воры тут же поделили, после чего Вийон благоразумно предпочел на время покинуть Париж. В «Малом Завещании», написанном, по-видимому, в ночь ограбления коллежа, он объясняет свой отъезд жестоким обращением некой красотки и желанием исцелиться от любовного недуга. Ловкая кража была обнаружена лишь через несколько месяцев, а впоследствии стали известны и имена ее участников — вернуться в Париж Вийон уже не мог.

Начинаются пять лет скитаний, темный — во всех отношениях — период биографии Вийона, когда он исходил многие области страны от Ламаиша (Бретань) до Средиземного моря (Руссильон). Вийон посещает владетельных меценатов, в том числе, вероятно, изысканный двор короля Ренэ Анжуйского, где культивировалась пасторальная поэзия (не здесь ли сложилась насмешливая «Баллада-спор с Франком Гонтье»?). Не долгое время он находился при дворе герцога и поэта Карла Орлеанского в Блуа. Для альбома баллад на тему «От жажды умираю над ручьем», заданную Карлом Орлеанским поэтам его окружения и многократно разработанную самим герцогом, Вийон написал знаменитые стихи, известные под названием «Баллада поэтического состязания в Блуа». К герцогу Бурбонскому обращена остроумная «Баллада-послание» с просьбой о денежной ссуде — тот ему пожаловал шесть эрю. Помощь от титулованных покровителей приходила редко, и мы не знаем источников существования Вийона в эти годы. Была ли это обычная жизнь бродячего жонглера? Или «бедного разносчика

из Ренна», как он уверяет в «Большом Завещании»? Во всяком случае, он поддерживал тесные связи с «кокильярами» — корпорацией бродяг и воров, язык которых усвоил досконально: на воровском жаргоне Вийоном написаны семь баллад, до сих пор не вполне расшифрованных (их не понимали уже в начале XVI века).

Летом 1460 года мы находим Вийона в орлеанской тюрьме по причине для нас неясной, но весьма серьезной — он ждал казни, которой избег лишь по случайности: Орлеан посетила семья герцога, и в честь въезда трехлетней принцессы Марии в свое наследственное владение заключенные, согласно обычаю, были освобождены из тюрем. В октябре следующего года Вийон снова в тюрьме — на сей раз в городе Мен-на-Луаре, где епископ Тибо д'Оссины держит его на хлебе и воде, в яме — особо суровый режим, — оттуда он взывает о помощи в «Балладе-послании к друзьям». Его опять спасает счастливая случайность — новый король Людовик XI, направляясь на коронацию, проезжает через Мен, в ознаменование чего поэт в числе прочих арестантов получает прощение.

С подорванным здоровьем Вийон в конце года возвращается в Париж, видимо полагая, что о деле Наваррского коллеги органы сыска уже успели позабыть. Скрываясь от людей, рано постаревший — ему только исполнилось тридцать лет, — больной, в предчувствии близкой смерти, он пишет балладу «Спор Сердца и Тела Вийона», «Балладу Судьбы» и главное свое произведение, итог злополучной жизни — «Большое Завещание» (зима 1461—1462 года).

Но в ноябре 1462 года Вийона арестовывают по подозрению в краже, скорее всего бесосновательному, так как через несколько дней его выпускают на свободу. Однако теперь всплывает роковое в его жизни дело об ограблении Наваррского коллеги. От Вийона берут обязательство вернуть доставшуюся ему сумму в сто двадцать эку. А хуже то, что за ним за-

крепляется репутация человека подозрительного, последствия которой вскоре сказались.

В том же месяце в уличной драке, затеянной товарищами Вийона, был тяжело ранен папский нотариус. Хотя сам Вийон лишь присутствовал при драке, не принимая в ней участия, он снова брошен в тюрьму, подвергнут пытке водой и присужден к виселице (тогда же он написал «Балладу повешенных» и «Четверостишие»). Этот явно несправедливый приговор был по обжалованию заменен десятилетним изгнанием из Парижа и графства Парижского — «принимая во внимание дурную жизнь вышеуказанного Вийона», как гласит протокол от 5 января 1463 года. Через три дня Вийон покинул Париж.

Никаких следов дальнейшей жизни поэта не обнаружено. Можно лишь предполагать, что, нищий, больной, истощенный, он ненадолго пережил день своего изгнания.

2

Образ Франсуа Вийона — «магистра искусств» и бродяги — двонется в представлении потомства.

Уже вскоре после его смерти слагаются легенды о «веселом комике», циничном шуте, мастере поужинать за чужой счет, коноводе во всякого рода злых проделках. Само его имя один известный ученый XVI века склонен был понимать как прозвище (старофранцузское *villoner* значит «надувать»). В духе этих легенд Рабле в четвертой книге «Пантагрюэля» приводит два апокрифических сообщения о поздних годах Вийона — шута при дворе английского короля и постановщика мистерий в Пуату. Напротив, в представлении многих новейших эссеистов он рисуется одиноким, бесприютным скитальцем, неким меланхолическим Гамлетом, переросшим свое время. Эти два облика Вийона, несмотря на явное упрощение в одном случае

и модернизацию в другом, основаны на двух голосах — буффонном и трагическом, — звучащих в поэзии автора «Большого Завещания», основном источнике наших представлений о поэте.

Нас не должна удивлять темнота его биографии, и было бы ошибкой думать, что современники не заметили Вийона. Как сказано, к 1456 году он достиг некоторой известности. На протяжении века его слава лишь возрастала, и первой книгой французской лирики, изданной в Париже после возникновения книгопечатания, были стихи Вийона (1489). Когда в 1533 году Клеман Маро выпустил лучшее по тому времени издание Вийона, он пользовался вариантами, известными ему от стариков, которые знали любимого поэта наизусть. Но средневековый читатель и зритель, наслаждаясь произведением искусства, еще не допускает, что личность художника, особенно если это мастер комического жанра, будет интересовать потомков. А для современников, судя по легендам, Вийон был поэтом комическим.

К тому же и по образу жизни, и по характеру творчества Вийон стоит в стороне от поэтов магистральной линии французской литературы XV века, в большинстве горожан, состоявших на службе у знати или при королевском дворе, — обстоятельства жизни этих поэтов, переплетавшиеся с жизнью их покровителей, известны нам по архивам и хроникам. Независимый, дерзкий и злоязычный Вийон не нашел себе места ни при аристократических дворах, ни в буржуазных верхах Парижа — отношения с зажиточными горожанами у «школяра Вийона» были традиционно враждебными. С молодых лет он предпочел неофициальную поэтическую линию, уходящую в глубь средних веков и представленную, в частности, творчеством бродячих школяров, непутевых клириков, так называемых «вагантов», — их поэзия, следы которой теряются с XIV века, выплывает, подобно подземному ручью, через полтора

столетия в творчестве Вийона, но в преображенном виде. В отличие от корпоративной, создававшейся на школьной латыни, внеакадемической поэзии вагантов, лирика Вийона — в меньшей мере, чем «Божественная Комедия», — плод городской культуры, оцененной «снизу» взглядом социальных низов. Его поэзия тесно связана с неофициальным искусством городского театра, преимущественно с его комическими жанрами. Но о творцах столь популярной средневековой драмы мы знаем еще меньше, чем о Вийоне. Нет у нас, например, никаких сведений об авторе «Адвоката Патлена», самой знаменитой комедии средневекового театра¹, хотя имя ее главного героя стало во Франции нарицательным, а заимствованное из нее выражение — «вернемся к нашим баранам» — вошло в поговорку.

Вийон — фигура переходная от безымянного народного певца к литератору-профессионалу, тип которого уже господствует в художественном творчестве конца средних веков. Показательно, что сам он ни разу не называет себя поэтом, а только «школяром Вийоном». В беспокойной его жизни отразилось смутное время Франции конца Столетней войны, оно запечатлелось в его творчестве со всей силой и искренностью лично пережитого. Он стал поэтом своего века, но для себя не нашел в нем законного места. Его «подпольная» биография показывается при свете дня лишь случайно — в связи с правонарушениями, арестами, судебными приговорами, торжественными событиями в жизни вельмож, когда линия его существования пересекается с официальной жизнью общества. И случайным является не то, что мы так мало знаем о личности Вийона, а то немногое, что нам все же известно.

---

¹ Впервые она была напечатана в том же году, что и стихи Вийона, которому раньше ее иногда приписывали.

Наследие Вийона составляют две поэмы («Малое Завещание» и «Большое Завещание» со вставными балладами и рондо) и шестнадцать отдельных стихотворений—тоненькая книжка из трех тысяч строк (не считая баллад на воровском жаргоне), созданная почти вся за какие-нибудь шесть-семь лет (1456—1462).

Не все в ней равноценно. Есть и стихи, написанные на заказ, и сухая дидактика, и всего лишь блистательная риторика, но в целом она поражает поэтической свежестью. Ровно пять столетий отделяют нас от Вийона. Многие старинные слова и обороты, некоторые ходы мысли и намеки в его произведениях уже непонятны без комментариев даже французам. Но интонация фразы, мелодика стиха, поэтическая тема, лирический герой — короче, живое целое улавливается непосредственно, будто стихи написаны сегодня. Впечатление такое, как от древних статуй, когда воображение легко удаляет рубцы веков — физически пострадал камень, но не идея. Чудо жизненности Вийона, в XX веке поэта наименее «академического», — явление беспримечное не только для старофранцузской, но и для всей европейской лирики.

Можно ли это объяснить — вместе с некоторыми его страстными поклонниками, преимущественно поэтами, — тем, что Вийон «первый поэт современного мироощущения»? Тогда его лирика становится загадкой, несовместимой с историческим чувством искусства. Но правильнее ли — вслед за историками литературы — усматривать в Вийоне «переходное явление», оценивая его как «предшественника Возрождения»? Такая этикетка противоречит внутренней законченности — при всех диссонансах — его лирики.

Против такой оценки убедительно говорит сама история. Можно ли назвать предшественником Ренессанса поэта, от которого отвернулось время Ронсара и Дюбелле, создателей

новой французской поэзии? Между Вийоном и Ронсаром по всему духу их поэзии различие слишком велико — мы это чувствуем и сейчас, тут не было ошибки поэта, который «не узнал» своего предшественника. К Вийону недаром равнодушны и последующие века. После 1543 года на протяжении ста восьмидесяти лет он ни разу не издавался. Вплоть до романтиков, возродивших интерес к его поэзии, оценка ее всегда зависела от интереса к поэзии средневековья, неотделимой от Вийона.

Вийон принадлежит своему веку. Он мыслит его идеями, страшится его страхами, утешается его надеждами, говорит его образами. Он глубоко «сидит» в старофранцузской словесности. Его язык, более архаичный, чем даже у его предшественников, стал темным уже для ближайших поколений. Его строфа до того изобилует реминисценциями из средневековой поэзии, что на иных производила впечатление мозаики из чужих мотивов. Подобно многим великим художникам, Вийон смело «берет свое добро везде, где его находит», а находит он его лишь у старых поэтов, в «благородном» «Романе о Розе», в Библии да в уличной речи Парижа XV века. Как вершина горного хребта, лирика Вийона заслоняет все творчество его современников, которое становится лишь основанием поэзии Вийона, ее почвой, известной только тем, кто путешествовал по его стране.

Современного читателя поражает своеобразие формы в таких стихотворениях, как «Спор Сердца и Тела Вийона», «Жалобы Прекрасной Оружейницы» или двух его «Завещаний», не менее, чем посетителя палеонтологического музея — уникальные экземпляры вымерших пород животных. Но знаток старофранцузской лирики в лучшем положении, чем палеонтолог, — ему известны прототипы вийоновских шедевров: эти «споры», «жалобы», «завещания» были господствующими жанрами поэзии XV века.

В своей версификации Вийон строго соблюдает канон твердой формы стиха: фиксированную строфику, метрику и

рифмовку в балладах, рондо, двойных балладах, избылиующих акростихами, анафорами и другими ухищрениями, — она удовлетворяла представлениям конца средневековья о поэзии как «второй риторике», которая обязана блистать преодолением внешних трудностей. Франсуа Вийон, в жизни правонарушитель, в искусстве никогда не разрешает себе нарушать законы, закрепленные еще в конце предыдущего века поэтом Э. Дешаном, автором первой французской поэтики. Правда, как у всех настоящих поэтов, у Вийона за канонической интонацией традиционной баллады всегда звучит особая личная интонация, та «естественная мелодия» живой речи, которую уже в эту эпоху, когда стихи не пелись, а декламировались, ценили выше «искусственной мелодии» (собственно музыкальной).

Вийон принадлежит своему веку и по тому месту, которое занимают в его поэзии мотивы увядания, старости, бренности всего живого — тема смерти, над всем царящей. Она звучит — уже с заголовка — на протяжении всего «Большого Завещания». Серию вставных стихотворений в этой поэме открывают три баллады о всепохищающей смерти («О дамах былых времен», «О сеньорах былых времен», «Баллада на старофранцузском») и заканчивают эпитафия самому себе, рондо на мотив реквиема, баллада предсмертных прощаний и похоронная «Баллада последняя». К наиболее известным стихам Вийона принадлежат «Баллада повешенных», «Четверостишие», написанное в ожидании казни, и «Баллада примет», где все строки начинаются словами: «Я знаю...», чтобы завершиться стихом «Я знаю Смерть всепоглощающую».

Тема смерти пронизывает художественное творчество поздней готики: умирало само средневековье. Для Франции, пережившей Столетнюю войну, были на то и более конкретные основания. Пляски мертвецов — характерная тема изобразительного искусства XV века, а рассуждения о быстротечности жизни, о тщете пышности и славы, о равенстве всех перед

смертью — общие места тогдашней дидактической литературы, в частности лирики.

Превосходство Вийона над его современниками в мастерстве художественного изображения смерти отмечалось не раз. Вместо общих рассуждений он нас приводит к ложу умирающего («Большое Завещание», XL—XLI), на кладбище, где все лежат вперемешку (там же, CXLVIII—CLI), или на человеческую бойню («Баллада повешенных») — конкретная сцена и наглядный образ вытесняют сухую проповедь. Порой едва уловимыми, но в поэзии решающими оттенками риторическая и во многом книжная тема обретает у Вийона лирическое и музыкальное звучание.

Образцом его искусства может послужить знаменитая «Баллада о дамах былых времен». Ее синтетическая для средних веков тема, где светский мотив «культы дамы» слился с христианским мотивом «бренности земного вельчия», привлекала многих поэтов поздней готики, причем сама тема подсказывала эффектный прием «перечисления» славных имен прошлого. Однако у Вийона характерен самый их отбор. В свою балладу он мог бы ввести немало хорошо знакомых читателю исторических, библейских и легендарных героинь, но большинство имен «дам былых времен» зыбки, неясны, а то и просто загадочны. Действительно, что знал читатель XV века о какой-то Арамбуржис (Арамбур), «правившей в Маёенне» (образ, взятый из одной малоизвестной хроники), или об Архипиаде (это имя в балладе — забавное недоразумение, возникшее из-за неправильно понятого в средние века одного места у философа Боэция, где речь идет об афинском полководце Алкивиаде). Это образы-слова (имена Таис и Флоры были тогда нарицательными для обозначения куртизанок), подобные крылатым выражениям из забытого произведения, поистине бесплотные образы-тени (у одной «дамы» даже пол «перепутан»!), от которых осталось только имя-звук, как от нимфы Эхо, одного из об-

разов первой строфы. В смутных очертаниях печального кортежа дам былых лет уже назревает рефрен: «Но где же прошлогодний снег?» — в самой «форме» звучит тема баллады.

Тем рельефней на фоне образов-призраков выделяется завершающая процессию фигура «славной Жанны Лотарингской, которую англичане сожгли в Руане», — еще свежий в памяти народной образ национальной героини Жанны д'Арк, незадолго перед этим (1452) официально реабилитированной.

4

Можно было бы еще отметить мастерство в композиции образов, а также «магию звучания» «Баллады о дамах», ее инструментовку. Но тайна стиха Вийона не только в более совершенном, чем у его современников, искусстве. Менее всего им недоставало мастерства, которое они так высоко ценили, что — как обычно в эпохи упадка художественного творчества — лишь в мастерстве усматривали существо поэзии. У Вийона иной угол зрения, иной источник света, чем в господствующей лирике XV века, иное чувство жизни, поэтически безыскусное и непосредственное.

Размышления о человеческом уделе пронизаны в официальной поэзии века мизантропией и презрением к существованию, отравленному уже одной мыслью о неизбежном жалком конце. Вийону чужд этот рассудочный аскетизм, питавший творчество «великих риторов», это книжно-религиозное осмысление исторического заката. Вийон откровенно признается в начале «Большого Завещания»: «По части чтения я ленив»; книгам он предпочитает чувственные радости жизни, даже самые низменные. О нуждах своей грешной плоти он думает куда чаще, чем о смерти. «Большое Завещание» открывается проклятиями по адресу епископа Тибо д'Оссины, которому поэт не может простить, что тот держал его «целое лето на хлебе

с холодной водой». В «Балладе-послании», завидуя сладкой жизни своих друзей, он умоляет их не забыть об этом возмутительном рационе. «Большое Завещание» заканчивается уверением, что он покидает сей мир за бочкой вина, мучеником любви, в чем он клянется самой озорной клятвой...

Надо освободиться от весьма распространенного и столь же одностороннего представления о средних веках как о времени, когда люди, придавленные нуждой и насилием, будто бы жили только мыслью о потустороннем да тем, чему их учила церковь. Эта либерально-буржуазная легенда за нормами хозяйственного, правового и политического строя, за освещающими его доктринами официальной идеологии не видит иной и весьма своеобразной жизни народа — она игнорирует все богатство неофициальной и полуофициальной культуры средневековой Европы. Народ в эти века, даже подчиняясь господствующей морали, жил, в большей мере, чем когда-либо позднее, своей особой жизнью с дофеодальными и полуязыческими представлениями, к которым вынуждены были приспособляться и государство и церковь. Об этом свидетельствуют и изобразительное искусство, и поэзия, и театр средних веков — поразительные всенародные празднества, полные буйного ликования и дерзкой фантазии.

Лирика Вийона неотделима от народного искусства поздней готики, без которого нельзя понять ни идей, ни даже «материю» (по тогдашнему выражению) его стихов.

Прежде всего — жить! Жизнь — первое благо для живого существа. Когда Вийон скорбит о своей нищете, сердце говорит ему с укором: «Человече, ну зачем так убиваться? Хоть нет у тебя богатств Жака Кёра»,

Не лучше ль в хижине простой
Жить бедняком, чем быть сеньором
И гнить под мраморной плитой?

(«Большое Завещание», XXXVI)

Сам страх перед смертью возникает у Вийона из любви к жизни, из привязанности к земному телу. К нему поэт обращается в конце отмеченных выше строф о смерти: «Тело женское, такое нежное, гладкое, сладостное, такое дорогое, ужели и тебе не миновать этой беды?» К телу, переживающему недуг старости и увядания, обращены удивительные строфы «Жалоб Прекрасной Оружейницы». Старость, смерть ужасают Вийона, но никогда не изображаются им в атмосфере притягательно «музыкальной», не становятся источником новой «красоты зла», как у Бодлера, с которым нередко сравнивали Вийона.

Не человек, не целостная его личность, но именно человеческое тело — любимый герой поэзии Вийона. Это тело, в концепции готического поэта, живет как бы независимой от самого человека, от его сознания жизнью, наподобие, если угодно, самостоятельных сеньорий и корпораций средневекового государства. Оно строптиво, не повинуется разуму, оно упрямо защищается от непрошеного вмешательства рассудка — бессильного короля в этой державе. Более того, само тело — как бы союз или колония живых, и в какой-то мере тоже самостоятельных, органов тела. Как в древней притче, где желудок обращается с увещательной речью к мятежным человеческим органам, вступившим в междуособную войну, Вийон в «Балладе-восхвалении Парижского суда», ликуя, приказывает всем членам своего тела — «каждому на своем месте» и на свой лад — петь хвалу благодетелю за то, что они не угодили вместе с ним, Вийоном, на виселицу. Ведь один язык с этим явно не справится! Пусть же хором его поддерживают глаза, уши, рот, нос, кожа, сердце.

А вы что, зубы? Вам молчать негоже!
Пусть челюсть лязгает и как орган поет
Хвалы Суду, и селезенка тоже,
И печень с легкими вступают в свой черед,
Пусть колоколом вторит им живот...

Таким же образом — как бы со стороны, как до неузнаваемости изменившихся старых знакомых, — оплакивает Прекрасная Оружейница увядшие черты своего лица и части собственного тела, обращаясь к каждой в отдельности.

Живая чувственная плоть в поэзии Вийона лишь по видимости соответствует «неразумному» телу в христианском дуализме духа и материи. Образ тела, которое живет и в каждом своем органе жаждет жить, связан с народно-языческим гилозоизмом — первобытным поэтическим представлением об одушевленности всего существующего, — проникавшим и в схоластическую философию, которая порой задавалась еретическим вопросом, «не способна ли материя мыслить». С исключительной силой готический образ тела представлен в «Споре Сердца и Тела Вийона», где не Сердце с его бесспорными резонами вызывает наше сочувствие, а Тело — неразумное, упрямое, непочтительное, беспечное, наивное, как ребенок («Когда же начнешь думать? — Как вырасту. — Тебе за тридцать! — Не старик пока»), мятущееся между отчаянием и надеждой, вечно страдающее («Боль — судьба моя»), жадное («Чего ты хочешь? — Сытого житься!»), трогательное в этой жадности к жизни («Ведь жить ты хочешь? — Мне не надоело»).

По всему мироощущению Вийон, которого иногда называли «поэтом смерти» (что и верно и неверно!), расходится с низменной оценкой греховного тела в аскетической мысли средневековья. Он ближе к «суровому Данту», когда тот, сострадав грешникам, восклицает: «Зачем же грех карает нас так строго!» Но в отличие от синтетической «Божественной Комедии», «в которой небо и земля участие приняли», «Большое Завещание» обращено почти к одной земле, к «нашей великой матери-земле», которой Вийон, умирая, с немалым благочестием завещает свое тело, чем благословенной троице — свою душу. «Из земли вышло и в землю вернулось, ибо все

на свете... охотно возвращается на свое место» («Большое Забвение», LXXVI).

«Человек — тело», нецивилизованная плоть, охваченная лишь инстинктивным желанием жить, полуживотное. С наивной непринужденностью, обычной для готики, Вийон охотно сравнивает себя с животным. Он — «бедный, съезжившийся в уголке пес») («Спор Сердца и Тела Вийона»). «И ты, туловище, грязное, как медведь или кабан, залегший в трясины» («Баллада-восхваление Парижского суда»). Взывая из тюремной ямы, он умоляет друзей взять пример у свиней: «заслышав визг поросенка, они толпой сбегаются к нему на помощь». Наивную животную радость, что спасся от смерти, он выражает в «Балладе-обращении к тюремному сторожу Гарнье» — ведь «всякий зверь спасает свою шкуру».

Но эта плоть, муки которой и со смертью не прекращаются — ее мочат дожди, сушит солнце, качают ветры, пожирают черви, вороны выклевают глаза, вырывают брови («Баллада повешенных»), — у Вийона почти бессмертна. В удивительной, ярко готической «Балладе о том, как варить языки клеветников» от чудовищного нагромождения всяких мерзостных рецептов создается невольное впечатление о языке, как об органе тела, который продолжает жить некоей независимой от всего организма «посмертной» жизнью. С каждым рецептом, вычитанным из черных книг, языки, прямые виновники клеветы (о самих клеветниках мы почти забываем!), погружаясь еще в одну отвратительную смесь, подвергаются новой адской казни, новой — как бы ощущаемой ими — издевательской муке. В этой балладе-заклинании связь гилозоизма Вийона с языческими повериями народа вполне наглядна.

Этика Вийона и его религия вырастают из понимания жизни, воплощенного в этом готическом образе тела, чувственного, динамического, непостоянного. И поэтому «никому из людей не хватает благоразумия и здравого смысла» («Баллада

повешенных»). Самого себя Вийон иногда называет folastre («резвый», «веселый», с оттенком безрассудного шутовства). Он не скрывает весьма невыгодных положений, в каких оказывался из-за своей чувственности: «За это я, совсем голый, был бит, как на речке бьют белье, не скрою этого». И все же он не хуже людей: «Не совсем глупец, не совсем мудрец, хоть к тридцати годам успел испытать всю чашу стыда», — так начинается «Большое Завещание». Но он слаб вдвойне — перед собой и своим телом, перед людьми и жизнью. Слабовольный Вийон любит наслаждение, а не труд (старофранцузское travail — «труд», как и в старорусском, означает также «страда», «страданье»). К тому же он — «бедный Вийон» («бедный» в смысле материальном — наиболее частый эпитет к его имени). Стихийный народный материализм подсказывает ему, что «в великой нужде нет великой чести» (мораль притчи о Диомеде), что «голод гонит волка из лесу». В человеческом поведении, в пляске органов тела балетмейстером выступает живот: «Car la danse vient de la rapce» («Танцем правит брюхо») — гласит приводимая Вийоном готическая народная поговорка. Значит, его грехи — его беда, а не его вина. Перед людьми он ни в чем не виноват, он достоин жалости — он *требует* снисхождения («Баллада повешенных»). И в балладе, где, согласно народно-христианскому обычаю, Вийон перед смертью просит у всех прощения, царит висельный юмор, чтобы в последней строфе сквозь шутовство открыто проявлялась лютой ненавистью ко всем говителям, отравившим ему жизнь.

Вийон благочестив по-средневековому (вечные издевательства над монахами, особенно нищенствующих орденов — общее место в литературе его времени). Хотя он грешен — бог не будет слишком строгим к бедному человеку, всю меру горя издававшего здесь, на земле. Бог ему все простит, и он, Вийон, будет в раю, где уже пребывают его товарищи. Ведь сам господь

велит людям прощать своих ближних, быть снисходительными, а Экклезиаст учит: «Веселися, сын мой, в юности, ибо детство и юность — суета и невежество» («Большое Завещание», XXVII). Так он и жил. Народно-готическое сознание Вийона, опираясь на Священное писание, творит себе бога, как всегда в истории религии, по образу своему и подобию.

5

Ближайшим поколениям автор «Большого Завещания» запомнился как «парижский поэт Вийон». Иногда у Вийона уже отчетливо звучат мотивы патриотизма национального, но иногда и патриотизма местного, областного, средневекового, в XV веке еще весьма обычного, — его роковые последствия сказались в междоусобицах Столетней войны. Питая пристрастие к остроумию двусмысленностей, Вийон в «Четверостишии», написанном в ожидании казни, обыгрывает два значения — собственное и нарицательное — слова *François*: «Я — Франсуа, что весьма прискорбно, родом из Парижа, что вблизи Понтуаза». Его, таким образом, огорчают два обстоятельства: то, что он Франсуа, а не любой Пьер или Жан, не осужденный на казнь; и то, что он «француз» (в старом смысле), житель Иль-де-Франса, так как, на беду свою, родился в Париже; будь он бургундец, бретонец, родился он в каком-нибудь Понтуазе (городок на северо-западе от Парижа, по которому насмешливо обозначена столица), он не подлежал бы юрисдикции «французского» суда города Парижа.

Вийон — первый великий французский поэт и последний средневековый «городской» поэт. Город Париж безраздельно царит в обоих «Завещаниях», во всей лирике Вийона — примечания к ней превращаются в энциклопедию сведений о Париже XV столетия, как комментарий к «Божественной Комедии» —

в энциклопедию городской культуры Флоренции и Италии XIV века. Париж — его мир. Он влюблен в парижскую речь, в язык парижской улицы; в своей версификации он для счета слогов и рифмовки признает лишь парижское произношение. Целыми днями он готов прислушиваться к парижским кумушкам, как те, «юбки подобрал», без умолку тараторят, усевшись на церковной паперти. Им он посвящает грациозную «Балладу о парижанках» с рефреном «Язык Парижа всех острей». Прочие женщины на свете для него — чужестранки.

Еще Теофиль Готье в первой замечательной статье о Вийоне¹ обратил внимание на то, что у Вийона, великого мастера живописной детали, совершенно нет пейзажа. Несколькими аллегорическими штрихами условной «куртуазной охоты» открывается лишь «Баллада прево-младожену», довольно искусственное стихотворение — один из дебютов поэта. Собственно эстетическое отношение к природе, возникающее не без влияния античности, в поэзии Возрождения, в особенности у Ронсара и его последователей, еще чуждо «городскому», потребительски чувственному сознанию Вийона.

В «Балладе-споре с Франком Гонтье» он насмехается над галантно-пасторальным идеалом скромного счастья на лоне природы, для Вийона слишком постным. Он противопоставляет ему девиз: «Живется сладко лишь среди достатка» — блаженную картину того, как жирный монах, обнимаясь с девкой, день и ночь пирует в обитой коврами комнате (сам поэт с завистью смотрит на них сквозь щелку). Томным воздыхателям, поклонникам Адэна Шартье, автора модной в то время «Безжалостной красавицы», Вийон завещает «кропильницу для слез» («Большое Завещание», CLV). Зато его сердцу близки всякие подкидыши, пропащие ребята, непутевая братия Парижа. Им он оставляет, за немением лучшего, «Урок Вийона» и мелан-

---

¹ Théophile Gautier, Les grotesques, P. 1856, p. 33.

холическую «Балладу добрых советов ведущим дурную жизнь», конгенитальную «Спору Сердца и Тела Вийона».

Он сам принадлежал к их числу. В «Большом Завещании» немало намеков на его связи с артистической богемой Парижа. О танцорах, жонглерах, сочинителях мотетов и рондо, о певцах «с голосами чистыми, звонкими, как колокольчики», он с восхищением говорит в «Балладе-послании к друзьям». В деклассированных низах Парижа, в этом бродиле средневековой жизни, где назревали перемены в умах, складывалась поэзия Вийона. Вместе с «Беззаботными ребятами» он участвовал в «дураческих пьесах» (так называемых «соті»), развившихся из старинных (запрещенных с 1445 года) процессий «дураческих праздников», из буффонад, изображавших жизнь города наизнанку и весь мир вверх дном. Здесь царил бесшабашное веселье, дерзкий смех над всем и всеми, смех универсальный и в то же время весьма конкретный, не щадящий ни учреждений, ни лиц, даже самых высокопоставленных, некая праздничная свобода духа, мотивированная «глупостью, царящей над миром и выходящей в этих игрищах наружу», а также простодушной глупостью самих участников представления — шутов, на которых и обижаться не стоит.

Нередко поэзия Вийона удивительно родственна этому виду искусства позднего средневековья, этим соті, переживавшим в XV веке свой расцвет (впоследствии королевская власть их также запретила). «Баллада истин наизнанку» — своего рода соті в лирике. Трудно переводимая из-за специфически французского оборота (конструкция «нет иного... как только», создающая параллелизм), баллада эта состоит из ряда вполне самостоятельных фраз, из перечисления «истин наизнанку». Комизм ее — в «вывернутых» утверждениях:

На помощь только враг придет...
Смеемся мы лишь от мучений...
Красоткам нравится урод...

Всего на свете горше мед...
Глупец один рассудит право...
И лишь влюбленный мыслит здраво¹.

С первого взгляда это всего лишь поэтическое озорство: школяр показывает язык своему наставнику, здравому смыслу. Но, если угодно, истина тут демонстрируется «доказательством от противного», забавно абсурдной формой утверждения. Эта форма, таким образом, не только забавна и абсурдна. Порой она неожиданно оборачивается истинной и в прямом смысле, особенно в беспечном девизе рефрена, в истине всей баллады, к которой, как к цели, движется каждая строфа. Мудрость как бы «освежается» под дурацким колпаком. Глупость ей служит. И в то же время «вывернутая истина» также не лишена смысла — в этом эффект баллады. В безумных «истинах наизнанку», сближаясь, «играют» противоположности, иронически освещая жизнь.

Комическое начало сати — универсальная ирония народного угла зрения, глумление над всем достопочтенным в обществе, к которому уже утрачивается почтение. — царит и в обеих поэмах Вийона. В «Малом Завещании», в котором Вийон на время прощается с Парижем, ирония еще элементарна и по форме не выходит за пределы традиционной пародии. В «Большом Завещании» поэт навсегда прощается с жизнью и оценивает ее. Поэтому прежде всего несравненно расширяется объект иронии. Все общество, которое отвергло поэта, все звенья городского строя, представители порядка и их подопечные, верхи и низы, последовательно, как в празднестве дураков, дефилируют в шутовских ролях наследников или душеприказчиков «завещания», распорядителей или участников шутовских

---

¹ Буквально: «Нет иной помощи, как только от врага...», «Нет иных (лучших) советчиков, как только влюбленные...» и т. д.

«похорон» бедного школяра. Углубляется и сама ирония, усложняется ее тон. Условны в поэме не только сюжет, но в известной мере и пародийность «завещания». Поэма Вийона — его действительное духовное завещание, его печальные размышления о жизни и смерти. Буффонада, сама себя снимая, исчезает, и тон становится серьезным. Слепцам Парижа Вийон шутовски завещает свои очки: пусть на кладбище разбираются, где могилы господ, а где — простолоудинов. Но, впрочем, он не шутит: и впрямь «их распознать — нелегкий труд». В следующих трех строфах сам Вийон приходит на кладбище и тщетно пытается узнать, кому принадлежали при жизни эти груды черепов и скелетов... «Большое Завещание», кроме того, — литературное завещание поэта, его основное произведение. В свою поэму — что было новшеством в развитии жанра — он вставил лучшие, на его взгляд, достойные внимания потомства, стихотворения, обрамленные интимными признаниями. С этой стороны «Большое Завещание» напоминает «Новую жизнь» Данте, автобиографическую повесть со вставными стихотворениями, созданию на полтора века раньше (но Вийон вряд ли ее знал).

Лирика Вийона — уже не легкая, блещущая изобретательностью «веселая наука», как вслед за провансальскими трубадурами с XIV века называли поэзию. Вийон, правда, отдает дань (например, в акrostихах) рассудочному остроумию внешней формы у версификаторов его времени, но любимый предмет его «остроумия» — это антиномии душевной жизни и человеческого существования, перед которыми он останавливается с горестным удивлением («Баллада поэтического состязания в Блуа»). Отсюда и сложный тон иронии, в которой часто спорят два голоса — открыто, как в «Споре Сердца и Тела Вийона», или скрыто, как в конце «Баллады о Толстухе Марго», — стык возвышенного и низменного, меланхолии и распутства, отчаяния и беспечности, вплоть до циничной автопародии «Бал-

лады последней», где Вийон рифмует собственное имя с непристойным словом.

Сложный тон смеха, народно-гротескное переплетение и даже слияние патетики с буффонадой, обычен для лирики Вийона. Тут сочетание сочувствия с издевкой («Баллада добрых советов ведущим дурную жизнь»), хвалы с хулою («Баллада за упокой души мэтра Жана Котара»), восхищения с глумлением («Баллада о парижанках»). Похоронное «Рондо» открывается в торжественном тоне реквиема, который тут же переходит в буффонаду («Ему дали лопатой по заднице, хотя он и заявил: «Буду жаловаться!») и завершается тем же мотивом зауспокойной службы. В описании предсмертных мук («Большое Завещание», XXXIX—XLI) за обращением к женскому телу, не ждет ли его та же участь, следует ирония грустно-шутливого ответа: «Да, или живое иди на небеса». И даже в «Балладе о дамах былых времен», наиболее «благородной» балладе, есть налет комического в сюжетах второй строфы — в любовных историях философов Абеяра и Буридава; элегические вопрошания каждый раз заключаются рефреном: «Но где же прошлогодний снег?» Иронический его оттенок усилен в заключении: «Принц, ни на этой неделе, ни в этом году не спрашивайте, где они, и пусть не тревожит вас этот рефрен: «Но где же прошлогодний снег?»¹. В сложном тоне рефрена — одно из преимуществ этой баллады перед двумя следующими, написанными на ту же тему («Баллада о сеньорах былых времен» и «Баллада на старофранцузском»), сухоовато дидактическими (особенно последняя, близкая к церковной проповеди).

---

¹ Старые французские читатели, видимо, чувствовали этот оттенок лучше, чем современные, воспринимающие Вийона более трагически. Когда в романе Рабле у Панурга спрашивают, где же нажитые им богатства, он отвечает: «А где прошлогодний снег? — Вот главный вопрос, который мучил парижского поэта Вийона».

В композиции баллады Вийон любит популярную в городской поэзии и родственную соці форму так называемого кок-а-ляна¹. Она применена в балладах «Пословиц», «Примет», «Истин наизнанку» и «Поэтического состязания в Блуа». Каждая из них — серия совершенно обособленных стихов, объединенных, помимо строя балладной строфики, лишь параллелизмом оборота речи (в первых трех балладах) или смысловым противопоставлением двух полустихий (в четвертой). Стихотворение как целое «разъято» на вполне самостоятельные строфы и строки, которые и «не смотрят» друг на друга — их можно свободно переставлять без ущерба для смысла. Оно подобно колонии самостоятельно живущих органов в образе тела у Вийона — каждый сам по себе, как гоголевский Нос. Часто это ироническая всякая всячина, проходные стихи, функция которых — в движении к рефрену, в подготовке его утверждения. И именно так возникает жизнь целого, «разум» и смысл всей баллады, — при всем беспечном «неразумии» хаотической формы кок-а-ляна: чепуха ведет нас к истине.

Но такая композиция не только иронична. В наивных накоплениях мало согласованных частных, например, в беспорядочном перечислении знаний «Баллады примет», где все стихи открываются зачином «Я знаю...» (с оттенком «я различаю» или «я узнаю»), сказывается интерес к бытовым краскам и деталям, присущий позднесредневековому искусству, страсть ко всякого рода информации и эмпирическим фактам — готическое жадное любопытство к миру. Эти баллады Вийона напоминают собрания пословиц — две из них так и называются — или старинные «зеркала», энциклопедии того времени, где нагромождены всякие чудные сведения из всех областей знания. Мозаичное построение — типа сочинения, а не под-

---

¹ Кок-а-ляна — от франц. *coq-à-l'âne* — «бесвязная речь», «чепуха».

чинения — часто свойственно архаической композиции, и лишь классицизм предъявил искусству требование подчинения частей делу, привил вкус к строгому единству, к системе.

Ирония — основная фигура стиля Вийона. Он любит употреблять слова по принципу «понимай наоборот». Если Жана Лу, одного из «наследников», он в «Большом Завещании» называет «честным купцом» (С), это означает, что тот прохвост и шулер. Если Жан Корню ему «каждодневно пособлял в нужде» (LXXXV) — надо полагать, что этот богатый чиновник ему в чем-то отказал. К корыстной возлюбленной, с которой Вийон порвал, он обращается с нежными словами «моя дражайшая Роза» (LXXX) — судя по акrostиху, ее звали Марта. «Матерню» своего романа «Pet au Deable», который Вийон завещает приемному отцу, он называет «важной» (LXXVIII); следовательно, это был грубый бурлеск — единственное, что мы знаем об этом произведении. Иногда ирония двойная, так как слово употреблено в прямом и обратном значении одновременно: «Жизненные лишения и страдания обострили мои неустойчивые суждения, как шар» (XII) — они и обострили его ум, и обтесали со всех сторон, округлили, поэтому суждения Вийона и пронзительны и «неустойчивы»... Все это в духе «мира наизнанку» в соctи.

Жизнь слова в языке Вийона еще поэтически архаична. Слова он употребляет прежде всего в их бытовом, конкретном и точном значении, а не в литературном, условном и переносном. У него нет украшающих эпитетов, но лишь поясняющие определения, его сравнения — «деловые», а не собственно художественные. Вместе с другими поэтами его времени, у которых поэзия стала «второй риторикой», он пользуется различными «фигурами» (вопрошания, восклицания, перечисления, противопоставления, обращения), но не метафорами, синекдохами, эвфемизмами, которые позднее, в особенности в эпоху классицизма, стали нормами художественной речи.

Его слово — нагое, стиль — резкий, энергичный, несколько угловатый, с опущениями служебных слов, с незаконченными периодами. Это язык страсти, идущей прямо к цели. Стилистические украшения лишь тормозили бы ее порыв.

В то же время Вийон крайне чуток к многозначности (полисемии) слова, к изменениям его смысла в контексте речи, к его звучанию — к поэтической жизни языка. Различные, во всегда конкретные значения сталкиваются в его словоупотреблении — и тогда тайными ходами возникают неожиданные ассоциации, язвительные намеки, каламбуры, к которым Вийон питает неизменное пристрастие. Он и в рифмовке любит омонимические рифмы, где слово употреблено дважды и трижды в разных смыслах и с различными оттенками.

На ассоциациях и полисемии слов основаны двусмысленности его «завещаний». Чаще всего комические ассоциации рассчитаны на чувственное воображение читателя и предметом своим имеют нужды тела. Скатологический (связанный с физиологическими отправлениями) и в особенности эротический юмор — излюбленные в народно-готическом искусстве! — для Вийона самые естественные, самые забавные виды комического. Не только «смех сквозь слезы», но и безумный смех до слез, ибо тут источником ассоциаций является сама Природа:

И мне сдается, Природа смеется,
Коль hic et haec¹ в одно сольется, —

сказано в конце «Романа о Розе» — любимой книге Вийона.

6

Через всю историю средневековой философии проходит спор о реальности так называемых «универсалий» — общих понятий, идей. Этот спор, где «реалисты» защищали реаль-

---

¹ Тот и эта, он и она (лат.).

ность общих понятий, как существующих независимо от единичных предметов или даже как единственно реальных (крайний «реализм»), а «номиналисты» ее отрицали и даже доходили до утверждения, что общие понятия не более чем слова, условные термины (крайний номинализм или «терминизм»), лежит еще в пределах схоластики. Обе партии обвиняли друг друга в ереси, и не без оснований, так как принцип «реализма» оказывался несовместимым с реальностью единичных «лиц» бога (как троицы), а принцип «номинализма» — с самим понятием единобожия. Не случайно, впрочем, столпы официальной ортодоксии во главе с Фомой Аквинским и Дунсом Скоттом склонялись к умеренному реализму, ибо номиналисты, которых рано начали подозревать в том, что они признают достоверным лишь данные чувств, привели позднюю схоластику к теоретическому кризису и полному скептицизму. Основная задача схоластической философии — согласовать веру с знанием — оказалась неразрешимой. Именно номинализм, позднее получивший название «нового пути» (в отличие от реализма — «старого пути»), подготовил не только опытную философию нового времени, но и основные положения нового естествознания (механики, астрономии и физики).

Стены Сорбонны нередко сотрясались от яростных диспутов приверженцев обеих партий, которые выдвигали самые остроумные доводы и предположения — с множеством тончайших оттенков — для решения злополучной антиномии. Но во времена Вийона победа чаще оставалась за номиналистами. В парижском университете за ними была давняя традиция. Еще в XIV веке здесь блистал в «диалектике» глава поздних номиналистов Уильям Оккам, «непобедимый учитель» (*doctor invincibilis*), затем его соратники и последователи — великий скептик Николай Отрекурский, прозванный «Юмом средневековья», Николай Орезмский, предвосхитивший идеи Коперника, Галилея и Декарта, Жан Бурдан, полностью отвергав-

ший свободу воли, яростный номиналист, замечательный физик и дважды ректор парижского университета.

Как относился магистр искусств Франсуа Вийон к этим спорам? Он предпочитает не касаться таких тонкостей. В век поэтов-эрудитов, которые все на свете знали, он порой даже щеголяет «незнанием». Его современник философ Николай Кузанский отстаивал, развивая номинализм, принцип «ученого незнания», что означало конец схоластики. Но, может быть, в «Балладе о дамах былых времен» Вийон не случайно с сочувствием вспоминает двух философов — Абелира, первоученика номинализма, и Буридана, — имена обоих связаны с парижским университетом. Как бы то ни было, своей этикой — признанием преимущества за жизнью перед «категориями», своим скептицизмом, сенсуализмом, защитой «тела» и его желаний, пафосом снисхождения к слабому человеку — Вийон созвучен номиналистам. Как поэт он признает реальным лишь конкретное, предметное, личное, частное, вплоть до «оживления» частей тела.

В средневековье, особенно на позднем этапе, расцвела аллегорическая литература, в которой вместо людей фигурируют образы-персонификации, отвлеченные понятия: Природа, Разум, Любовь, Ненависть, Война, Мир, Христианство, Всякий Человек и т. п. Эти аллегории — хотя и поэтически условные — по художественному методу близки «универсалиям», самостоятельную реальность которых признавали схоластические «реалисты». Из «Романа о Розе», наиболее известного памятника аллегорической поэзии, Вийон заимствует многие наблюдения и идеи, но не аллегорическую форму, к которой он равнодушен.

Вийону близко другое течение в поздней готике, родственное философскому номинализму. Так называемый «готический натурализм» в искусстве характеризуется любовью к единичному и портретному, стремлением закрепить кусок жизни во

всей характерности, интересом к чувственному колориту. Вместе с тем «верность природе» здесь обычно сочетается с прехотливой игрой фантазии, комически утрирующей натуру, однако не настолько, чтобы образ потерял сходство со своим образцом в реальной жизни (готические гротески).

В «Большом Завещании» все образы поэмы — портреты реальных лиц, хорошо знакомых автору и его читателям, которые способны были оценить и сходство с оригиналом, и фантазию художника, — комизм гротеска. По своей композиции поэма Вийона — своего рода серия миниатюр (которыми так славится живопись XV века), посвященных «наследникам» и участникам «похорон».

Но главный герой «Большого Завещания» — сам Вийон. Прежде всего он говорит о себе, о близких, о врагах, порой это беседа с самим собой. Мы знаем его родных, имя деда, прошлые горести Вийона, возраст, в каком он приступил к поэме, мы знаем, что он болен, что его мучает лихорадка. Мы видим его эмоционально утрированный портрет — «тощий, как химера» (LXXIV), «лысый, безбородый, безбровый — весь как очищенная репа» («Рондо»). Его имя в стихах повторяется восемнадцать раз и пять раз дано в акростихах. Автобиографические признания в тоне гротеска не редки и у поэтов до Вийона, например, у талантливого парижского жонглера XIII века Рютбефа, наиболее близкого Вийону. Но ни у кого из них личный мир, а через него и народное сознание еще не раскрывались с такой полнотой.

Он всегда вставляет себя в картину — иногда несколькими штрихами. Тема «Баллады о дамах былых времен» развивается не безлично, баллада начинается словами: «Скажите мне, где...» — тени проходят перед ним, Вийоном. В «Балладе о сеньорах былых времен» риторическое перечисление оживлено наивным признанием в собственном невежестве: «Увы, и славный король Испании, имени которого я не знаю...», — едва

ли не лучшая строка баллады! Это ему, Вийону, жаловалась Прекрасная Оружейница — «и вот таким манером». Это он сам один из «повешенных», и вместе с ними он обращается к прохожим. Перед ним, Франсуа, хвастается Судьба — почти единственная персонификация в его лирике — тем, как она сокрушала императоров, полководцев и героев; каждая строфа — из довольно общих мест тогдашней поэзии — заключается высокомерным обращением лично к нему:

Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон?

«Споры» сердца и тела в форме диалога существовали до Вийона, но у него спорят сердце и тело самого Вийона о нем самом, что придает ситуации особый драматизм. В «Балладе-молитве богородице» перед нами его мать — в церкви их прихода она смотрит на изображения ада и рая: «Одно меня страшит, другое радует...»

Читатель так привык всегда видеть самого Вийона, воспринимать его стихи как лично пережитое, как куски реальной жизни, что отождествляет поэта с лирическим героем, принимает сюжет стихотворения за факт и на основе стихов творит биографию автора. «Баллада о Толстухе Марго», например, отнюдь не автобиографична — это образец так называемых «дураческих» баллад (*sottes ballades*), популярного жанра городской поэзии, — нам теперь известен ее прямой фламандский источник. Кроме того, недалеко от собора Парижской богородицы тогда находился один притон под названием «Толстуха Марго», славившийся частыми иочными драками. Но, разрабатывая чужой сюжет и смешивая динизм с мрачными размышлениями, Вийон ввел самого себя героем в балладу о публичном доме. Так создавалась легенда о Вийоне-сутенере. Зерно истинны этой легенды лишь в том, что Вийон всегда изображает мир «через себя».

Мир Вийона — это прежде всего обездоленные, нищие и голодные, те, кто «видят хлеб лишь через окошко» («Большое Завещание», ХХХ), откуда им подают его как милостыню, — такие, как он сам, Вийон. Поэт отзывается о них с глубоким состраданием. О богачах и сытых, о том, как те пьют и жрут, он говорит с нескрываемой злобой и завистью, чувствами греховными для христианина, особенно перед смертью, но, как сказал Пилат,

Что написал, то написал.

Объект его ненависти — ростовщики, менялы, спекулянты, трактирщики, скопидомы, выскочки, те, кто разбогател на народной нужде, кто нажился на бедствиях войны, да еще те, кто охраняет этот порядок, — чиновники, стражники, отцы-богословы. Его чувства отражали ненависть народа к новой знати денежного мешка, против которой в XV веке не раз поднимались волнения. Сохранились старые издания «Большого Завещания» с гравюрой, изображающей ростовщика у своей кассы, по другую сторону стоит заемщик.

Социальное значение «Большого Завещания» — предмет споров во французской критике. Еще на рубеже нашего века Марсель Швоб, выдающийся исследователь Вийона, выдвинул тезис о «Большом Завещании» как о памфлете против богатых. Ему возражали, доказывая, что поэт всегда сводит счеты с отдельными богачами, чиновниками, лицами, ему не угодившими, что Вийон всегда пристрастен, злопамятен, и нетрудно установить конкретные обстоятельства его сатирических выпадов как личных поношений. Но обе точки зрения уточняются и «снимаются» тем соображением, что по самому поэтическому методу Вийон всегда доходит до общего только через личное. Его готическая сатира отличается от более «приличной», избегающей «личностей» сатиры нового времени, начиная с классицизма. Как и в народном театре средних веков, где

персонализациям общественных учреждений и даже отвлеченных понятий придавались черты портретного сходства с лицами, хорошо известными публике, смех Вийона имеет форму гротескного поношения — общее тут сростается с личным. Самый жанр «завещания» требует, чтобы, перечисляя и одаряя «наследников», автор называл каждого по имени — сатира принимает форму пасквиля.

Вийон имел право отождествлять свою личную судьбу с судьбой народных низов, выступать от их имени. На фоне нравов века Столетней войны образ жизни Вийона (надо это помнить!) не был исключительным. Фигура горестно беспечного бродяги, вороватого клирика — для его времени самая обычная, а частная собственность еще не казалась его современникам столь священной и неприкосновенной, как позднее (сам Фома Аквинский позволяет кражу перед лицом голодной смерти — кража тогда не грех). Своего рода номиналист в искусстве, Вийон придерживается правила Вергилия, у которого Эней советует Дидоне судить по предателю Синону о всех грехах: «Ab uno disce omnes» («По одному суди обо всех»). «Бедный школяр» Вийон — это всякий бедняк.

Но в этой средневековой («номиналистической») конкретности слишком много «местного» колорита, что часто затрудняет для потомства понимание Вийона. Как и средневековый актер, как буффон, Вийон творит для конкретной аудитории, для компании друзей, знакомых, парижан середины XV века. Они понимают поэта с полуслова, лично знают его «наследников», им достаточно одного штриха, а то и имени, чтобы оценить комизм. До них сразу доходит язвительность характеристики «он человек правдивый» применительно к Ги Табари, другу Вийона и одному из участников ограбления Наваррского коллежа, — это Ги Табари всех погубил своей болтливостью. Но современный читатель без помощи комментатора никогда не догадается, что три «душеприказчика» завещания — это кре-

диторы поэта (владелец харчевни, пирожник и трактирщик), которых он боялся как черт ладана, от которых скрывался, когда писал «Завещание» — потому-то они и «находились до конца у его смертного ложа»! Комизм обоих «Завещаний» порой слишком конкретен, слишком связан с единичным и случайным, чтобы дойти до нас полностью. Вне аудитории, с которой лично связан готический поэт, ирония в отдельных случаях даже вовсе пропадает.

Курьез с «тремя сиротками» — наиболее известный пример. В «Малом Завещании» Вийон уделяет две строфы (XXV—XXVI) «трем маленьким бедным сироткам, нагим и босым...». Через пять лет он к ним возвращается в четырех строфах «Большого Завещания» (CXVII—CXX). Озабоченный — перед смертью — судьбой бедных сирот, Вийон отдает их в учение хорошему наставнику, сам составляет для них программу, советует не лениться и отказывает им в завещании полплаща «на сласти»... Критики XIX века умилялись сердобольности Вийона. И целые поколения читателей, воспитанных на знаменитой «Истории французской литературы» Г. Лансона, запомнили, что «Вийон имел учеников — трех бедных сироток», о которых он упоминает. «Трое маленьких, бедных сироток», как мы теперь документально знаем, — три парижских богача, старые ростовщики, спекулянты солью, которых ненавидел весь город, — это один из самых издевательских эпизодов «Большого Завещания».

Мы уже не улавливаем сатирического смысла некоторых «отказов», для нас темны некоторые переходы в поэмах, — почему за таким-то «наследником» идет такой-то, — по-видимому, заключавшие комический смысл. И дело здесь не в пятисотлетней дистанции. Еще в начале XVI века Клеман Маро, издавая Вийона, признавался, что «остроумие его «завещаний» теперь не доходит» до читателя — для этого «надо было бы жить в Париже времен Вийона и знать людей, места, предметы». «Кто хочет создать произведение длительной славы, не

должен прибегать к таким частностям», — замечает Маро, но тут же добавляет, что поэзия Вийона будет жить вечно.

Для последующего искусства отражение жизни в старом реализме — не только у Вийона, но и у Данте, даже еще у Рабле — кажется слишком местным, частным, портретным. Индивидуализация в готике, ее типы с точки зрения позднейших норм — еще «дотипическое»: удивительный, но реальный факт (или человек). В особенности это присуще комическим жанрам: странное, но действительное происшествие (анекдот), курьезная личность (шут, урод), то есть неповторимо единичное, игра природы, гротеск в жизни. Комические краски Вийона в тех случаях, когда требуется «знать людей, места и предметы», уже потускнели для потомства.

Но готическое пристрастие к единичному имеет и свою трагическую форму — ее мы воспринимаем и сейчас, возможно даже острее, чем современники «Большого Завещания»¹. На сей раз мы должны обратиться от «наследников» к «завещателю», от сатирического окружения к герою поэмы. Вийон и здесь родственен по методу номиналистам. Реальную натуру обычного человека, «не вполне глупца, не вполне мудреца», он изображает через себя, «бедного Вийона». С изумительной искренностью он обнажает свою душу перед миром. Однако в официальной средневековой поэзии такое самораскрытие личности — так же как в философии признание реальности лишь за единичным — было ересью «нового пути» (*via moderna*), а для читателя — каким-то курьезом.

Французская поэзия XV века — в основном дидактическая и сатирическая. Она любит рассуждения и аллегории, ее предмет — родовое (удел человеческий, природа, любовь, смерть), часто гражданские темы (родина, бедствия войны, распущен-

---

¹ Отсюда и чисто трагическое восприятие поэзии Вийона у читателей XX века.

ность нравов, роль сословий, положение народа), но сам поэт не является предметом своей поэзии, да и личность его мало в ней чувствуется. Это не лирика, а зарифмованная риторика. нередко весьма искусная и страстная.

Единственный настоящий лирик этого века, кроме Вийона, — Карл Орлеанский (1394—1465), но он прямой антипод Вийону. Его жизнь до пятидесяти лет была бедственной, и на ней отразился век (в ранней юности он лишился отца, убитого подосланными людьми; мать через год умерла от горя; восемнадцати лет он потерял жену; тяжело раненный в роковой для страны битве при Азинкуре, он попал в плен к англичанам, где томился в заключении двадцать пять лет). Но ни горести страны — этим Карл Орлеанский отличается от дидактических поэтов XV века, — ни личные невзгоды не стали темой его поэзии. В своих ювелирно отделанных стихах (ими он утешался в английском плену, а также по возвращении на родину, когда, отойдя от политических дел, жил в родовом замке Блуа поэтом-меценатом) он меланхолически воспевает наступление весны, Францию, любовь, уходящую молодость — последний поэт куртуазной традиции трубадуров. Вынесение своей личности перед читателем, обнажение себя перед миром показалось бы ему в поэзии чем-то неуместным или даже непристойным. Мотивы его лирики по-средневековому — родовые, их трактовка — почти безличная, хотя его изящные стихи отмечены неподдельным чувством. В своей разработке темы «противоположностей», предложенной им на поэтическом состязании в Блуа, Карл Орлеанский выбрал рефреном, идеей всей своей баллады отвлеченную «противоположность», лично для него менее всего характерную:

В добре и зле Фортуною ведомый, —

тогда как Вийон в рефрене привлекает внимание к бродяге, «всеми принятому и всеми отвергнутому», а в заключительном

обращении дерзко позволяет себе напомнить принцу о своей профессии («Чего ж я жду? Жалованья!») — выходка, не лишняя шутовства.

Внутренний, личный мир обычного человека — его сложность, светотени, подъемы и падения, его поэзия и проза — еще не получили права гражданства в господствующей литературе средних веков. Лишь в неофициальном творчестве отверженных низов — в традиции вагантов, жоиглеров (таких, как уже упомянутый предшественник Вийона Рютбеф) — личность поэта становится темой его поэзии, часто поэзии-исповеди, причем личность эта предстает всегда в трагикомическом свете, в столкновении с материальной нуждой, с повседневным бытом. Поэт в таких случаях выступает в роли шута. Но жизнь шута, скomorоха всегда забавна и должна быть забавной — лишь в сочетании с забавным его беды и горести, его судьба могут представлять интерес для публики. Кроме того, для буффона, нищего, вора профессиональной честью является мужество перед собственной судьбой, насмешка над своим униженным состоянием, до конца выдержанная роль потешника — юмор висельника как выражение человеческого достоинства.

В этом — смысл иронии Вийона, двух голосов, звучащих в его поэзии, слияния патетического с буффонадой. Это не маскировка страдания смехом, не вынужденная для поэта роль и не субъективная манера «разорванности мироощущения», как позднее у романтиков, но *органическая для готики форма изображения личного мира* во всей его сложности, во всем драматизме, во всех слабостях и противоречиях конкретного. Это историческая — характерная для позднего средневековья — *форма трагизма «единичного»,* отдельного «куска жизни», в котором обнаруживается целое и человеческая жизнь как гротеск.

Показательно, что в жизнерадостных юношеских стихах Вийона (до 1456 года) еще нет смешения трагизма с буф-

фонадой. В трагических *общих* размышлениях «Большого Завещания» о жизни и смерти, в трех первых балладах или в «Жалобах Прекрасной Оружейницы» почти нет иронии и шутовства. Но ирония возрастает в стихах более поздних и зрелых, в стихах тюремных лет («Спор Сердца и Тела Вийона» и «Баллада-восхваление Парижского суда»). Самая серьезная по тону «Баллада повешенных», вызывающая к жалости, именно поэтому и потребовала — в качестве дополнения — висельного цинизма «Четверостишия».

По мере приближения к мрачному концу, к шутовским похоронам поэта, смешение патетики с комическим явно усугубляется. Это наиболее личная, наиболее интимная поэзия Вийона, здесь всего больше отчаяния, сознания своей слабости, но и больше всего вызывающего шутовского цинизма. С исключительной резкостью звучит трагическая буффонада в похоронном «Рондо», и особенно в рефрене «Баллады, в которой Вийон у всех просит прощения» («Я всем кричу: «Простите, люди добрые!»), чтобы неожиданно завершиться шутовской бравадой винопития в заключительной строфе «Баллады последней». Завершающие, самые многозначные стихи «Завещания», — пожалуй, и самые характерные для стиля Вийона.

«Он полностью посвятил нас во внутреннюю жизнь средних веков», — сказал о Франсуа Вийоне Готье. Поэт конца средневековой эры, ее кризиса, Вийон выразил боль века с силой вечной.

Нет ничего сомнительнее, чем мнение, довольно распространенное в наше время среди исследователей культуры на Западе, будто понимание памятников духовной жизни прошлых веков нам недоступно, ибо их сознание закрыто для последующих эпох герметически. Этому пессимистическому «сверхисторизму» (на деле приводящему к эстетическому анти-

историзму) противоречит, однако, тот бесспорный факт, что в XX веке мы понимаем духовную жизнь средних веков — в частности, искусство, поэзию — гораздо лучше, чем в XVII и XVIII веках, когда ею мало интересовались; знаем ее основательнее, чем в XIX веке, когда интерес к ней возродился. Горизонты исторические — как физические при восхождении на горы — постепенно расширяются, хотя при этом более близкие предметы заслоняются. Нашему веку раскрылись более древние, чем средневековая, засыпанные песками культуры Азии, Америки и Африки, возбуждая к себе живой и всеобщий интерес. То, что сказал великий немецкий мыслитель Гердер о голосах разных народов, — что они, «как в фугу», последовательно включаются в историю человечества, — применимо и к голосам эпох, казалось бы давно замолкшим, к давно забытому искусству и поэзии этих эпох.

Одно из свидетельств тому — особая любовь современного читателя к поэзии Вийона, который через пять столетий говорит с нами «о времени и о себе», «как живой с живыми».

Л. Пинский

МАЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

I

В год века пятьдесят шестой
Я, Франсуа Вийон, школяр,
Бег мыслей придержав уздой
И в сердце укротив пожар,
Хочу свой стихотворный дар
Отдать на суд людской, — об этом
Писал Вегеций, мудр и стар, —
Воспользуюсь его советом!

II

В год названный, под рождество.
Глухою зимнею порой,
Когда в Париже все мертво,
Лишь ветра свист да волчий вой.
Когда все засветло домой
Ушли — в тепло, к огню спеша,
Решил покончить я с тюрьмой,
Где мучилась моя душа.

III

Пора! Терпеть уж нету сил:
Не вынесет душа живая!
Расстанусь с той, кого любил!
Я здесь ее не называю,
Но к мести праведной зываю
В тоске, в слезах и всех богов
Меня избавить умоляю
От этих тягостных оков.

IV

Ведь я так верил, так любил,
От слова каждого дрожал
И каждый взгляд ее ловил,
Пронзавший сердце, как кинжал!
Зачем я сразу не бежал
От чар ее, как от напасти?
Ведь я же видел все и знал,
Что с нею не видать мне счастья!

V

Увы, мне душу полонил
Тот взор жестокий и неверный...
Напрасно я в тоске молил,
Томился в муке беспримерной, —
Она меня высокомерно
Отринула, не вняв мольбам.
Тогда я понял: дело скверно!
И вверил жизнь своим ногам.

VI

Чтоб не страдать превыше меры,
Осталось мне одно: бежать.
Прощайте! Путь держу к Анжеру!
Она не хочет мне отдать
Свою любовь, — чего ж мне ждать?
Довольно мне обид, обманов!
Я мученик любви, под стать
Героям рыцарских романов.

VII

И как ни тяжек мне уход,
Я ухожу, отравлен ядом
Жестокой ревности: придет
Другой, с подругой ляжет рядом,
Предастся радостным уладам
В лесу Булонском, под кустом...
Как велика моя досада,
Господь лишь ведает о том!

VIII

Но раз уж мне бежать судьба,
И возвращусь назад едва ли, —
Я человек, а плоть слаба,
И шкура тоже не из стали,
Да и бессмертья мне не дали, —
В чужие уходя края,
Всем, кто меня когда-то знали,
Наследство оставляю я.

IX

И с первых строк, размыслив здраво,
Во имя троицы святой
Свою я завещаю славу
Тебе, отец приемный мой,
Гийом Вийон! Ты был со мной
И добр, и полон снисхожденья.
Тебе — шатер мой боевой,
И герб, и все мои владенья!

X

Затем тебе, подруге милой,
Из-за которой вдаль бегу,
Кто радости меня лишила
И мысли спутала в мозгу,
Оставляю сердце. Не могу
Столь тяжкий груз в груди нести!
Оно погибло, я не лгу, —
За это бог ее прости!

XI

Затем почтенный Жан Корню,
А может быть, Итье Маршан, —
Обоих я равно ценю, —
Получит, — тот, кто меньше пьян, —
Кинжал мой острый. Был он сдан
В заклад за выпитое мною
Вино, — всего один стакан! —
Пусть выкупят своей мошною.

ХII

Супругам Сент-Аман дарю
Я «Зебру», с коей ходит «Мул»;
Свой бриллиант отдам Бларрю;
Святейшую из папских булл,
В которой папа припугнул
Кюре-мздоимцев, оставляю
Тем, кто в нее не заглянул.
А я таких немало знаю.

ХIII

Затем дарю Валэ Робэру,
Писцу Парижского суда,
Глупцу, ретивому не в меру,
Мои штаны, невесть когда
Заложенные, — не беда!
Пусть выкупит из «Трюмильер»
И перешьет их, коль нужда,
Своей Жаннетте де Мильер!

ХIV

Сего почтеннейшего мужа
Хочу я сделать поумней,
А потому дарю ему же
Труд Идиотуса, ей-ей,
Полезный и для наших дней:
«Искусство памяти», бывало,
И не таких замшелых пней
От благоглупостей спасало!

XV

Глупцы, мы знаем, небогаты,
Поэтому прошу продать
Мой шлем и рыцарские латы,
А выручку ему отдать,
Чтоб на ноги Робэру встать
И... — не завидуйте, однако! —
Отныне кляззы писать
На паперти святого Жака.

XVI

Мои наряды без остатка
Кардону Жаку отдаю,
А чтобы ел и пил он сладко, —
Вина отменного бадью,
На завтрак — жирную свинью,
На ужин — карасей из леса,
А чтоб не разжирел, даю
Два разорительных процесса.

XVII

Затем оставлю дворянину
Ренье де Монтиньи трех псов,
Рагьеру Жану — половину
Моих доходов и... долгов;
Ему же франков сто готов
Я дать. Но только где их взять?
Нельзя же для своих дружков
Родню безбожно обделять.

ХVIII

Затем получит де Гриньи
Бисетра замок укрепленный,
Шесть псов, — не то, что Монтины! —
И башню славную Нижона,
Чтоб в ней укрыться от Мутона,
Грозящего ему судом,
Ну а Мутона в честь закона
Пускай попотчуют кнутом!

ХIX

А водопой Попэн я дам
Рагьеру Жаку. Пусть напьется
Сей пьяница хотя бы там
И о закуске не печется —
В харчевне «Шишка» все найдется:
Крольчишка, груши, стол, кровать,
И для гостей очаг зажжется, —
Там можно славно пировать!

ХХ

Затем дарю без сожаленья
Мотэну Жану, сей свинье,
В темнице годы заточенья,
А пытки — Пьеру Базанье.
Дабы мой прокурор Фурнье
Во время зимних холодов
Не замерзал в своем рванье,
Мое отдать ему готов.

XXI

Затем я завещаю Жану
Трувэ три славных кабака:
«Корову», «Жирного барана»
И «Круторогого быка».
А если кто у мясника
Угнать захочет это стадо,
Пускай повесят дурака,
Чтоб не хватал, чего не надо!

XXII

Начальник стражи городской
Получит «Шлем», презент отменный,
А стражникам, что в тьме ночной
Носами тычутся о стены,
Я завещаю дар бесценный —
Ночной притон «Три фонаря»,
Но с оговоркой непременно:
Чтоб нас не забирали зря!

XXIII

Затем... но что мне дать Маршану?
Ему ля Барр слывет отцом,
Да, видно, согрешил он спьяну:
Маршан, увы, не стал купцом!
Дарю ему мешок с сенцом, —
На этом ложе досветла
Он может прыгать вниз лицом,
Раз нет иного ремесла.

XXIV

Затем пускай Шолет и Лу
Поймают утку на двоих
И живо спрячут под полу,
Чтоб стража не поймала их.
Еще охапку дров сухих
Оставлю им, а также сала
И пару башмаков худых,
Коль этого им будет мало.

XXV

Затем — с ростовщиками кроток —
Я здесь желаю наградить
Трех бедных маленьких сироток.
Им нечем даже стыд прикрыть!
Что будут есть? Что будут пить?
Как проживут бедняги зиму?
Придется, видно, подарить
Все то, что им необходимо.

XXVI

Ну что ж, скупиться я не стану!
Всем — Госсуэну-бедняку,
Марсо и добряку Лорану —
Я подарю по тумачу
И на харчи — по медяку:
Состарюсь я, пройдут года,
Мне будет сладко, старику,
Об этом вспомнить иногда.

XXVII

Затем ученый титул мой,
Что мне присвоила Сорбонна,
Оставляю с легкою душой
Двум школярам необученным, —
Пусть помнят доброту Вийона!
Поддержит их подарок сей:
Бедняги бродят по притонам
Голее дождевых червей.

XXVIII

Зовут их мэтр Котэн Гийом
И мэтр Тибо Витри. Отныне
Пусть благоденствуют вдвоем,
Молитвы шепчут по-латыни,
Постятся, как святой в пустыне,
Ночуют в доме у Гельдри, —
Ведь он готов любой скотине
Кров предоставить до зари!

XXIX

Всю улицу Сент-Антуана
Решил я им же подарить,
И в довершение — два стакана:
Вот Сена — вволю могут пить!
А голубкам, попавшим в сеть
Закона, — нету доли злее, —
Желаю: если уж висеть,
То у тюремщицы на шее!

XXX

Затем приютам и больницам
Свою каморку я дарю,
А тем, кто в дым успел упиться, —
Под каждый глаз по фонарю:
Быть может, путь к монастырю
Отыщут хоть тогда бедняги,
Привыкшие встречать зарю
Кто в подворотне, кто в овраге.

XXXI

Чтоб каждый получил свое,
Я оставляю вместо платы
Портному — все мое тряпье,
Сапожнику — его заплаты,
Цирюльнику — дар небогатый:
Все, что с меня успел он сбрить.
Я всем им задолжал когда-то,
Теперь приходится платить...

XXXII

Затем монахам-попрошайкам,
Монашкам-нищенкам с крестом,
Как богомольная хозяйка,
Дарю заплывшего жирком
Гуся и зайца с чесноком, —
Пускай нажрутся до отвала
И досыта клянут потом
Греховность пирогов и сала.

XXXIII

Клюку паломника даю
Ля Гарду Жану, — не жалею!
Горчицу скисшую свою
Пусть перемешивает ею.
А тем, кто, псов голодных злее,
За мною гнался по пятам,
Чтоб мне петлю надеть на шею,
Я даже этого не дам!

XXXIV

Затем Мербефу и Лувье
Дарю яид протухших меру,
А сторожу прудов Гувье,
Сквалыге Руссевилю Пьеру,
Чтоб он, по моему примеру,
Освободился от долгов,
Я оставляю не химеру,
А деньги Принца Дураков.

XXXV

Уже усталый, полусонный,.
Так я писал и диктовал,
Пока вдруг колокол Сорбонны
В тиши ночной не прозвучал:
Девятый час он отбивал,
К молитве звал и покаяню, —
Тогда и я молиться стал,
Прочь отложив свои писанья.

XXXVI

Но за молитвой сбился я,
Как будто мысли мне сковало, —
Не от излишнего питья,
Нет: Дама Память отобрала
Оппинативный род сначала,
Затем весь род коллатеральный,
Все категории смешала,
В ларь спрятав интеллектуальный

XXXVII

Суждений вид эстимативный,
Что перспективу нам дает,
Симильятивный, формативный,
Без коих в голове разброд
И мысли задом наперед
Бегут в смятении... О, горе!
Сам Аристотель не вернет
Мне этих мудрых категорий.

XXXVIII

А чувства, как на грех, проснулись;
Затем — фантазия; за ней
Все органы вдруг встрепенулись!
Лишь тот, который всех важней,
Не стал ни толще, ни длинней, —
Вот доказательство прямое
Смятения души моей
И связи чувств между собою!

XXXIX

Тут мысли спутались в клубок
И разум мой вконец затмило.
Я дописать строки не мог:
Замерзли у меня чернила,
Порывом ветра погасило
Свечу, — хотел огонь я вздуть,
Да где уж там! И через силу
Впотьмах кончаю как-нибудь...

XI.

Сие в означенную дату
Преславный написал Вийон;
Дворцы, поместья и палаты
Без сожаленья роздал он,
А сам, — не сливками вскормлен, —
И тощ, и черен, как голик,
Деньгами скудно наделен,
Предела бедности достиг.

БОЛЬШОЕ
ВЗВЕЩАНИЕ

I

Мне шел тридцатый год, когда я.
Не ангел, но и не злодей,
Испил, за что и сам не знаю,
Весь стыд, все муки жизни сей...
Ту чашу подносил мне — пей! —
Сам д'Оссињи Тибо, по сану
Епископ Менский; тем верней
Я почитать его не стану!

II

Ему не раб и не слуга я,
Как во щи кур, попал в тюрьму
И там сидел, изнемогая,
Все лето, ввергнутый во тьму.
Известно богу одному,
Как щедр епископ благородный, —
Пожить ему бы самому
На хлебе и воде холодной!

III

Но чтоб никто из вас не думал,
Что злом я за добро плачу,
Что вовсе я не зря в беду, мол,
Попал и зря теперь кричу, —
Лишь об одном просить хочу:
Коль это было добрым делом,
Дай бог святоше-палачу
Вкусить того ж душой и телом!

IV

Он был несправедлив со мною,
И так жесток, — не счесть обид!
Так пусть же телом и душою
Он в серном пламени горит!
Увы, но церковь нам твердит,
Чтоб мы врагов своих прощали...
Что ж делать! Бог его простит!
Да только я прошу едва ли.

V

Однако, недруга любя,
За д'Оссины, — клянусь Котаром, —
Я помолюсь. Но... про себя:
К чему псалтырь мусолить даром!
Подобно грешникам-пикарам,
Сомкнув уста, молюсь в тиши:
Так в Лилле молятся и в старом
Дуэ — за упокой души.

VI

Ему, конечно бы, милее
Молитвы тихой и святой
Заздравный глас и ток едея,
Но толк от этого какой?
Поди возьми псалтырь любой,
В сафьяне или в грубой коже,
Гласит повсюду стих седьмой:
«Чем громче шум, тем кара строже».

VII

Я сам всевышнего не раз
Тревожил с делом и без дела,
И я скажу ему сейчас:
«Ты дал мне, боже, дух и тело,
Ты видел, что оно терпело,
И, снизойдя, умерил боль, —
Так славьтесь вечно, без предела,
Христос и Франции король!»

VIII

Дай бог Людовику всего,
Чем славен мудрый Соломон!
А впрочем, он и без того
Могуч, прославлен и умен.
Но жизнь — как мимолетный сон,
И поглощает все могила;
Так пусть живет подольше он,
Не менее Мафусаила!

IX

Пусть дюжина сынов пригожих,
Зачатых с верною женой,
На Карла смелостью похожих,
На Марциала — добротой,
Хранят Людовика покой.
А смерть придет, тогда пускай
Перед святой его душой
Откроется дорога в рай!

X

Я хвор и слаб, — мне не до шуток! —
Сил меньше, чем монет в кошельке.
Покуда здрав еще рассудок —
То малое, что бог дал мне, —
Пока я в памяти вполне,
Раз навсегда свои желанья,
О смертном помышляя дне,
Здесь излагаю в завещанье.

XI

Пишу в году шестьдесят первом,
В котором из тюрьмы постылой
Я королем был милосердным
Освобожден для жизни милой.
Покуда не иссякли силы,
Я буду преданно служить
Ему отныне до могилы, —
Мне добрых дел не позабыть!

XII

Измучен горькою тоской,
Не в силах удержать рыданья,
Я слезы проливал рекой,
Страдал, не видя состраданья,
В игре нужды, обид, изгнанья
Я вечно битым был мячом
И повял жизнь без толкованья, —
Здесь Аверроэс ни при чем.

XIII

Я брел тогда в тоске и в горе
Без посоха и без креста,
С одной *Надеждою*, что вскоре,
Как верный ученик Христа,
Войду в открытые врата
Эммауса и принят буду.
Но не сбылась моя мечта:
Злой рок не дал свершиться чуду.

XIV

Я, видно, грешен, всех грешней,
И смерть не шлет господь за мною,
Пока грехи души своей
Я в муках бытия не смою,
Но коль раскаюсь я душою
И так приду на божий суд,
Оправдан буду я судьбою
За все, что выстрадано тут.

XV

Как мудро нас учил «Роман
О Розе»! Помню, там, в начале,
Завет нам превосходный дан,
Чтоб люди молодость прощали,
Жалели старость... Но едва ли
Враги мои считались с ним:
Меня всегда и всюду гнали,
Страданиям радуясь моим.

XVI

Мне горько. Не страшусь я смерти.
Когда бы знать наверняка,
Что людям счастье дам, поверьте,
Не дрогнула б моя рука!
Но вспять не потечет река,
Когда я буду тлеть в могиле, —
Что жизнь простого бедняка?
Одна песчинка в вихре пыли.

XVII

Однажды некий Диомед
Был к Александру приведен
В цепях на суд, держать ответ
За то, что стал пиратом он,
Из тех, чье имя — легион,
Разбойников морских дорог.
Сей Диомед был обречен
На смерть, — в те дни закон был строг,

ХVIII

И гневно Александр вскричал:
«Что скажешь, вор, презренный тать?!»
Но тот без страха отвечал:
«За что же вором обзывать?
За то, что я сумел собрать
Лишь кучку удалцов, не боле?
Когда б имел я флот и рать, —
Как ты, сидел бы на престоле!

ХIX

Как ты, мой царь! Но жизнь иначе
Уже не мог я повернуть,
И поневоле неудачи
Влекли меня на этот путь.
Пойми и милосерден будь!
В тех, кто познал все униженья
И нищету, не обессудь,
К законам нету уваженья».

ХХ

В молчанье выслушал пирата
И молвил царь, подымля взор:
«Отныне будешь ты богатым!
Я изменил свой приговор».
Был царский суд и прав и скор,
И, как Валерий нам поведал,
Пират стал честно жить с тех пор
И прошлое забвенью предал.

XXI

О, если б с Александром тоже
Я мог поговорить тогда,
Меня б не осудил он строже:
Мои грехи — моя беда,
Вся жизнь — лишений череда,
То хворь, то нищета и холод...
С пути сбивает нас нужда,
Волков из леса гонит голод.

XXII

Мне жалко молодые годы,
Хоть жил я многих веселей
До незаметного прихода
Печальной старости моей;
Не медленной походкой дней,
Не рысью месяцев, — умчалась
На крыльях жизнь, и радость с ней,
И ничего мне не осталось.

XXIII

Ушли года, а я без цели,
Нищ разумом, считаю дни,
Что раньше срока облетели...
Один, без крова, без родни, —
Не веришь? На меня взгляни!
Смотри, как всеми я отринут!
Друзья, родные, где они,
Как только грош последний вынут?!

XXIV

Но ведь не все я расточал,
Хоть был гуляка и обжора.
Я ради женщины отдавал
Лишь то, что взять мог, без укора
Для чести, у друзей, коль скоро
Брать у друзей была нужда.
И в том не вижу я позора:
Где нет греха, там нет стыда!

XXV

Да, я любил, молва не врет,
Горел и вновь готов гореть,
Но в сердце мрак и пуст живот —
Он не наполнен и на треть, —
На девок ли теперь смотреть?
Когда на дне стакана сухо,
Не станешь ни плясать, ни петь:
Пустое брюхо к песням глухо.

XXVI

Будь я прилежным школяром,
Будь юность не такой шальнойю,
Имел бы я перину, дом
И спал с законною женою...
Зачем, зачем моей весной
От книг бежал я в кабаки?!
Пишу я легкою рукою,
А сердце рвется на куски...

XXVII

То, что Экклезиаст святой
Велел, я выполнил давно.
Он говорил: «Ликуй душой,
Пока ты юн-годами!» Но
Прибавил он еще одно, —
И это горькое признание! —
«Что в молодости нам дано?
Одни соблазны и незнанье!»

XXVIII

Бесследно разметелись дни,
И не вернуть уже былого.
Ткач, сколько нитку ни тяни,
До края заткана основа,
И места нет, на коем снова
Я ткал бы жизнь, как до сих пор!
Не жду ни доброго, ни злого, —
Смерть разорвет любой узор!

XXIX

Где щеголи минувших дней,
С кем я встречался на пирах,
Кто пел и пил и был смелей
Других в сужденьях и делах?
Они мертвы! Холодный прах
Забут людьми и взят могилой.
Спят крепко мертвецы в гробах,
О господи, живых помилуй!

XXX

Из тех, кто жив, одни в чинах —
Мошна туга и чести много,
Другие — в продранных штанах
Объедков просят у порога,
А третьи прославляют бога,
Под рясами жирок тая,
И во Христе живут не строго, —
Судьба у каждого своя.

XXXI

Ты знатным дал, господь, немало:
Живут в достатке и в тиши,
Им жаловаться не пристало —
Все есть, живи да не греши!
У бедных же — одни шиши.
О господи, помягче с нами!
Над теми строгий суд верши,
Кого ты наделил харчами.

XXXII

Такие жрут куда как сладко!
Пулярки, утки, каплуны,
Фазаны, рыба, яйца всмятку,
Вкрутую, пироги, блины,
Подливам, винам — нет цены,
Слуга за каждым суетится...
Нам, грешным, слуги не нужны:
Мы можем сами угоститься,

XXXIII

Но что застрял без толку я
Среди подобной чепухи?
Ведь не монах я, не судья,
Чтоб у других считать грехи!
У самого дела плохи.
О господи, я сир и мал,
Прости мне грешные стихи, —
Что написал, то написал!

XXXIV

Оставим монастырь монахам:
Есть в жизни вещи поважней,
О коих думают со страхом,
Молчат, как о беде своей.
Хочу о нищете людей
Поговорить, о злой доле,
О горечи голодных дней,
Исполненных стыда и боли.

XXXV

Я бедняком был от рожденья
И вскормлен бедною семьей,
Отец не приобрел именья,
И дед Орас ходил босой,
Лишь бедность за моей спиной!
На бедном предки спят кладбище, —
Господь их души упокой! —
Гербов дворянских там не сыщешь,

XXXVI

Я нищетою удручен,
А сердце шепчет мне с укором:
«К чему бессмысленный твой стон,
За что клеймишь себя позором?
Что́ нам тягаться с Жаком Кёром!
Не лучше ль в хижине простой
Жить бедняком, чем быть сеньором
И гнить под мраморной плитой?»

XXXVII

Сеньором быть?.. О чем болтаю!..
Сеньора поглотила тьма!
Где он? До гроба не узнаю,
Как говорят стихи псалма.
Сей груд не моего ума,
И в этом мне не разобраться:
На то есть богословов тьма,
Вот им бы надо постараться!

XXXVIII

Не ангел я, нет надо мною
Ни крыл небесных, ни венца.
Укрыт могильною землею
Прах грешный моего отца, —
Душа — в обители творца! —
И мать моя на смертном ложе,
Бедняжка, ждет уже конца,
И сам я не бессмертен тоже.

XX XIX

Я знаю: бедных и богатых,
И дураков и мудрецов,
Красавцев, карликов горбатых,
Сеньоров щедрых и скупцов,
Шутов, попов, еретиков,
Дам знатных, служек из собора,
Гуляк и шлюх из кабаков, —
Всех смерть хватает без разбора!

XI

Будь то Парис или Елена,
Умрет любой, скорбя умрет,
Последний вздох задушит пена,
Желчь хлынет, сердце обольет,
О боже! Страшен смертный пот!
Тогда, кого ни позови ты,
Хоть сын, хоть брат к тебе придет,
От смерти не найдешь защиты.

XII

Смерть скрутит в узел плети вен,
Провалит нос, обтянет кожу;
Наполнит горло черный тлен,
Могильный червь скелет обгложет...
А женщин плоть? О, правый боже!
Бела, нежна, как вешний цвет,
Ужель с тобою станет то же?
Да! В рай живым дороги нет.

**БАЛЛАДА
О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН**

Скажи, в каких краях они,
Таис, Алкида — утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?
Где Флора, Рима украшеньё?
Где Эхо, чье звучало пенье,
Тревожа дремлющий затон,
Чья красота — как наважденье?..
Но где снега былых времен?

Где Элоиза, объясни,
Та, за кого принял мученья
Пьер Абеляр из Сен-Дени,
Познавший горечь оскопленья?
Где королева, чьим веленьем
Злосчастный Буридан казнен,
Зашит в мешок, утоплен в Сене?..
Но где снега былых времен?

Где Бланка, белизной сродни
Лилее, голосом — сирене?
Алиса, Берта, — где они?
Где Арамбур, чей двор в Майенне?
Где Жанна, дева из Лоррэни,
Чей славный путь был завершен
Костром в Руане? Где их тени?..
Но где снега былых времен?

Принц, красота живет мгновенье.
Увы, таков судьбы закон!
Звучит рефреном сожаленье:
Но где снега былых времен?..

**БАЛЛАДА
О СЕНЬОРАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН**

Скажите, Третий где Калист,
Кто папой был провозглашен,
Хотя был на руку нечист?
Где герцог молодой Бурбон,
Альфонс, чье царство — Арагон,
Артур, чья родина — Бретань,
И добрый Карл Седьмой, где он?
Но где наш славный Шарлемань?

А где Шотландец, сей папист,
Чей лик был слева воспален
И розов, точно аметист?
Где тот, кому испанский трон
Принадлежал? Как звался он,
Не знаю... Где собирают дань
Все властелины без корон?
Но где наш славный Шарлемань?

Увы, без толку я речист:
Все исчезает словно сон!
Мы все живем, дрожа как лист,
Но кто от смерти был спасен?
Никто! Взываю, удручен:
Где Ланселот? Куда ни глянь, —
Тот умер, этот погребен...
Но где наш славный Шарлемань?

Где Дюгеклен, лихой барон,
Где принц, чья над Овернью длань,
Где храбрый герцог д'Алансон?..
Но где наш славный Шарлемань?

**БАЛЛАДА
НА СТАРОФРАНЦУЗСКОМ**

А где апостолы святые
С распятьями из янтарей?
Тиары не спасли златые:
За ворот шитых стихарей
Унес их черт, как всех людей,
Как мытари, гниют в гробах,
По горло сыты жизнью сей, —
Развеют ветры смертный прах!

Где днесь величье Византии,
Где мантии ее царей?
Где все властители былые,
Стронтели монастырей,
Славнейшие из королей,
О ком поют во всех дерквах?
Их нет, и не сыскать костей, —
Развеют ветры смертный прах!

Салэн, Дижон, Гренобль, — немые
Стоят везде гроба князей,
А завтра скорбно склоним выи
Над трупами их сыновей.
Кто смерти избежал своей?
Тать? Праведник? Купец? Монах?
Никто! Сколь хочешь жри и пей, —
Развеют ветры смертный прах!

Принц, не уйти нам от червей,
Ни ярость не спасет, ни страх,
Ни хитрость: змия будь мудрей,
Развеют ветры смертный прах,

XLII

Но так как папы, короли,
Их сыновья, мелькнув мгновенно,
Лежат в земле, черней земли,
И всякий ставет горстью тлена,
Разносчик маленький из Рейна,
Я ль не умру? Судьба одна!
Я видел все, — все в жизни бренно,
И смерть мне больше не страшна,

XLIII

Ничто не вечно под луной,
Как думает стяжатель-скряга.
Дамоклов меч над головой
У каждого. Седой бродяга,
Тем утешайся! Ты с отвагой
Высмеивал, бывало, всех,
Когда был юн; теперь, бедняга,
Сам вызываешь только смех.

XLIV

Был молод — всюду принят был,
А в старости — кому ты нужен?
О чем бы ни заговорил,
Ты всеми будешь обессужен;
Никто со стариком не дружен,
Смеется над тобой народ:
Мол, старый хрен умом недужен,
Мол, сивый мерин вечно врет!

XLV

Пойдешь с сумою по дворам,
Гоним жестокою судьбою,
Страдая от душевных ран,
Смерть будешь призывать с тоскою,
И если, ослабев душою,
Устав от страшного житья,
Жизнь оборвешь своей рукою, —
Что ж делать! Бог тебе судья!

XLVI

По старушонкам хуже всех,
Когда с тревогой замечают,
Что нет ни денег, ни утех, —
Все молодые отбивают!
Тихонько бога вопрошают:
«За что мы старимся так скоро?»
Господь молчит: он сам не знает,
Что отвечать на их укоры.

**ЖАЛОБЫ
ПРЕКРАСНОЙ ОРУЖЕЙНИЦЫ**

Мне никогда не позабыть
Плач Оружейницы Прекрасной,
Как ей хотелось юной быть
И как она взывала страстно:
«О, увяданья час злосчастный!
Зачем так рано наступил?
Чего я жду? Живу напрасно,
И даже умереть нет сил!

Ведь я любого гордеца
Когда-то сразу покоряла,
Купца, монаха и писца,
И все, не сгугя нимало,
Из церкви или из кружала
За мной бежали по пятам,
Но я их часто отвергала,
Впадая в грех богатых дам.

Я чересчур была горда,
О чем жестоко сожалею,
Любила одного тогда
И всех других гнала в три шеи,
А он лишь становился злее,
Такую преданность кляня;
Теперь я знаю, став умнее:
Любил он деньги, не меня!

Но он держал меня в руках,
Моею красотой торгуя.
Упреки, колотушки, страх, —
Я все прощала, боль люблю;
Бывало, ради поцелуя,
Я забывала сто обид...
Доныне стервеца люблю я!
А что осталось? Грех и стыд.

Он умер тридцать лет назад,
И я с тоскою понимаю,
Что годы вспять не полетят
И счастья больше не узнаю.
Лохмотья ветхие снимая,
Гляжу, чем стала я сама:
Седая, дряхлая, худая...
Готова я сойти с ума!

Что стало с этим чистым лбом?
Где медь волос? Где брови-стрелы?
Где взгляд, который жег огнем,
Сражая насмерть самых смелых?

Где маленький мой носик белый,
Где нежных ушек красота
И щеки — пара яблок спелых,
И свежесть розового рта?

Где белизна точеных рук
И плеч моих изгиб лебяжий?
Где пышных бедер полукруг,
Приподнятый в любовном раже,
Упругий зад, который даже
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?

В морщинах лоб, и взгляд погас,
Мой волос сед, бровей не стало,
Померкло пламя синих глаз,
Которым столько завлекала,
Загнулся нос кривым кинжалом,
В ушах — седых волос кусты,
Беззубый рот глядит провалом
И щек обвисли лоскуты...

Вот доля женской красоты!
Согнулись плечи, грудь запала,
И руки скручены в жгуты,
И зад и бедра — все пропало!
И ляжки, пышные бывало,
Как пара сморщенных колбас...
А сад любви? Там все увяло,
Ничто не привлекает глаз,

Так сожалеем о былом,
Старухи глупые, седые,
Сидим на корточках кружком,
Дни вспоминаем золотые, —
Ведь все мы были молодые,
Но рано огонек зажгли,
Сгорели вмиг дрова сухие,
И всех нас годы подвели!»

**БАЛЛАДА-ЗАВЕТ
ПРЕКРАСНОЙ ОРУЖЕЙНИЦЫ
ГУЛЯЩИМ ДЕВКАМ**

Внимай, ткачиха Гийометта,
Хороший я даю совет,
И ты, колбасница Перетта, —
Пока тебе немного лет,
Цени веселый звон монет!
Лови гостей без промедленья!
Пройдут года — увянет цвет:
Монете стертой нет хождения.

Пляши, цветочница Нинетта,
Пока сама ты как букет!
Но будет скоро песня спета, —
Закроешь дверь, погасишь свет...
Ведь старость — хуже всяких бед!
Как дряхлый поп без приношенья,
Красавица на склоне лет:
Монете стертой нет хождения.

Франтиха шляпница Жаннетта,
Любим мужчинам шли привет,
И Бланш, башмачнице, про это
Напомни: вам зевать не след!
Не в красоте залог побед,
Лишь скучные — в пренебреженье,
Да нам, старухам, гостя нет:
Монете стертой нет хождения.

Эй, девки, поняли завет?
Глотаю слезы каждый день я
Затем, что молодости нет:
Монете стертой нет хождения.

XLVII

И сей завет да не осудят!
Его я девкам завещал,
Хорош ли, нет ли, — будь что будет, —
За что купил, за то продал.
Притом не я, Фремен писал, —
Беспутнейший писец на свете,
И будь он проклят, коль наврал:
Ведь за слугу сеньор в ответе.

XLVIII

Завет сей зная досконально,
Влюбленному, чтоб он, простак,
Мог избежать судьбы печальной,
Советуют обычно так:
«Любовь не шляется в кабак,
И не ходи за ней туда,
Вернешься пьян, избит и наг,
Не знают девки там стыда.

XLIX

С любимым ложатся спать за грош,
Но ласкам этим грош цена.
Приди, когда в кармане вошь, —
Захлопнут двери, как одна!
За деньги каждая верна,
Но в том ни проку нет, ни чести!
Когда любовь тебе нужна,
Ищи ее в пристойном месте».

L

Совет хорош, да толку чуть!
Кабак — не церковь, всем известно.
По-моему, не в этом суть.
А вот другое интересно:
Ругают женщин повсеместно,
Однако в них ли корень зла?
Ведь каждая когда-то честной
И чистой девушкой была!

II

Да, были все они честны,
И честными не зря их звали
До первой памятной весны.
Коль правду говорят, вначале
Они по одному избрали,
Монаха — эта, та — писца,
И с ними вместе заливали
Огонь, сжигающий сердца.

III

Как Грациан сказал о том,
Сначала робко и несмело
Встречались с милыми тайком, —
Другим до них какое дело!
Но это скоро надоело,
Любовь рассеялась как дым,
И та, что быть с одним робела,
Теперь ложится спать с любим.

III

Но что влечет их в этот срам?
Скажу без тени порицанья:
Всему виной натура дам,
Привычка расточать лобзанья
И... не рифмуется названье.
Но говорят в Труа и в Гри
Неверным женам в оправданье:
«Шесть больше сделают, чем три!»

Любовь лишь тем и хороша,
Что в ней всегда свободны оба
И выбирать вольна душа.
Разлюбит — удержи попробуй!
Такая сразу вспыхнет злоба:
«И не проси, и не зови,
На черта мне любовь до гроба
И годы мук за миг любви!»

ДВОЙНАЯ БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Люби, покуда бродит хмель,
Гуляй, пируй зимой и летом,
Целуй красоток всех земель,
Но не теряй ума при этом!
Влюбленного глупее нету:
Рабом любви был Соломон,
Самсон от чувств невзвидел света,
Как счастлив тот, кто не влюблен!

Орфей, печальный менестрель,
Покорный глупому обету,
Сошел, дудя в свою свирель,
В Аид из-за любви к скелету;
Нарцисс, — скажу вам по секрету:
Красив он был, да не умен! —
Свалился в пруд и канул в Лету.
Как счастлив тот, кто не влюблен!

Еще позорней сел на мель
Сарданапал, владыка света:

Он ради женщин колыбель
Качал, девицею одетый;
Давид, желаньем подогретый,
Сверканьем ляжек ослеплен,
Забыл скрижали и заветы,—
Как счастлив тот, кто не влюблен!

Амнон, избрав поближе цель,
Сестру Тамару для совета
Призвал и, затачив в постель,
Лишил там девственного цвета;
Под звуки сладостных куплетов
Был Иродом Иоани казнен
Из-за язычницы отпетой, —
Как счастлив тот, кто не влюблен!

Меня ж трепали, как кудель,
Зад превратили мне в котлету!
Ах, Катерина де Воссель
Со мной сыграла шутку эту,
Хотел призвать ее к ответу,
Но кто слышал мой плач и стон?
Норль? Он куплен за монету.
Как счастлив тот, кто не влюблен!

Слова, слова! Шюляр, ужель
Оставишь ты свою Жаннетту?
Скорей в кипящую купель
Нырнет, подставит грудь стилету
Или, по злобному навету,
Как ведьма, будет он сожжен
За всех блондинок и брюнеток!
Как счастлив тот, кто не влюблен!

I.V

Но я еще любил тогда
 Так беззаветно, всей душою,
 Сгорал от страсти и стыда,
 Рыдал от ревности, не скрою.
 О, если б, тронута мольбою,
 Она призналась с первых дней,
 Что это было лишь игрою, —
 Я б избежал ее сетей!

LVI

Увы, на все мольбы в ответ
 Она мне ласково кивала,
 Не говоря ни «да», ни «нет»,
 Моим признаниям внимала,
 Звала, манила, обещала
 Утишить боль сердечных ран,
 Всему притворно потакала, —
 Но это был сплошной обман.

LVII

Всегда, во всем она лгала,
 И я, обманутый дурак,
 Поверил, что мука — зола,
 Что шлем — поношенный колпак,
 Чертополох — пурпурный мак,
 Что караси живут во ржи,
 Что на пригорке свистнул рак, —
 Предела нету женской лжи! —

LVIII

Что небо — это медный таз,
Что облака — телячья шкура,
Что репа — дорогой алмаз,
Куриный хвост — крыло Амура,
Что гордый конь — осел понурый,
Дом каменный — сосновый гроб,
Свинья в грязи — монах с тонзурой,
А паж влюбленный — дряхлый поп.

LIX

Подруге верил я своей,
Но за нос та меня водила.
Да, будь хоть в тыщу раз хитрей,
Во всем уступишь ласкам милой!
И я ей отдал все, что было,
Исподнее — и то взяла,
И злобной кличкой наградила:
Ослom влюбленным назвала.

LX

Любовь и клятвы — лживый бред!
Меня любила только мать.
Я отдал все во цвете лет,
Мне больше нечего терять.
Влюбленные, я в вашу рать
Вступил когда-то добровольно;
Забросив лютю под кровать,
Теперь я говорю: «Довольно!»

LXI

Теперь я вышел из игры.
Пусть кукарекает как хочет
О нежной страсти, до поры,
Какой-нибудь хвастливый кочет,
А мне и слушать нету мочи,
Как смею я любовь хулить?
Тот, кто не доживет до ночи,
Все может прямо говорить!

LXII

А я уже полумертвец,
Покрыт холодным смертным потом,
И чую, близок мой конец,
И душит липкая мокрота...
Ах, Жаннеттон, тебе ль забота,
Что я совсем еще не стар,
Болезнью и тюрьмой измотан,
Несчастный, маленький школяр!..

LXIII

За это д'Оссинья, Иуду,
Я не прошу, пока живой,
И, видит бог, не позабуду
Ни воду, выпитую мной,
Ни кандалы, ни склеп сырой,
Ни боль обид... Как вспоминаю,
Готов расстаться я с душой!
А, чтоб ему!.. Но умолкаю...

LXIV

Я злобы в сердце не храню
Ни к палачам его, ни к слугам.
Их милосердие ценю
И всем желаю... по заслугам!
Вот мэтр Робэр, — на всю округу
Вернее не найти дружка!
Так нежно любим мы друг друга,
Как любит бог ростовщика,

LXV

Как помню, в пятьдесят шестом
Я написал перед изгнанием
Стихи, которые потом,
Противно моему желанью,
Назвали просто «Завещаньем».
Но что поделать, если всем
Присловье служит оправданьем:
«Никто не властен ни над чем».

LXVI

Ну что ж, я не лишаю дара
Тех, кто его заполучил,
И, скажем, к пащенку ля Барра
Я стал еще добрей, чем был:
Тогда ему я подарил
Сенник. Теперь же, для обновки,
Чтоб ноги он не застудил,
Добавлю старых две циновки.

LXVII

А чтобы каждый непременно
Мог получить наследство сам,
Когда я стану горстью тлена, —
Пускай идет к моим друзьям!
Тюржи, Провэн известны вам?
Затем Моро, мой друг большой?
Все через них я передам,
Вплоть до кровати подо мной.

LXVIII

Пора, однако, приступать.
Еще лишь слово, но не боле:
Фремен, когда не лег он спать,
Запишет всех, кто недоволен;
Никто не будет обездолен,
А коль гарантия нужна,
Пусть обеспеченьем сей воли
Послужит Франции казна!

LXIX

Фремен, тебя с трудом я вижу,
И чувствую — мой близок час.
Возьми перо и сядь поближе,
Дабы никто не слышал нас.
Все, что диктую, без прикрас
Пиши, — мне жить осталось мало!
Я говорю в последний раз
Для вас, друзья. И вот — начало:

LXX

Во имя господи-отца,
Во имя сына чистой девы,
Который, в терниях венца
Все муки претерпев без гнева,
Спас тех, кого сгубила Ева, —
Да будет с ними дух святой! —
Молитесь, люди, ибо все вы
Не ангелы, а прах земной.

LXXI

Да, всем придется умереть
И адские познать мученья:
Телам — истлеть, душе — гореть,
Всем, без различья положенья!
Конечно, будут исключенья:
Ну, скажем, патриарх, пророк...
Огонь геенны, без сомненья,
От задниц праведных далек!

LXXII

Святоши, говорю назло вам!
Вы скажете, что неспроста
Не стал я, грешный, богословом,
Что болтовня моя пуста?
Но вспомните слова Христа,
Как был огнем богач палим,
А Лазарь, чья душа чиста,
На небесах сидел над ним;

LXXIII

Как в пекле не имел покоя
Богач, моля, чтоб Лазарь тот
Сошел к нему смочить водою
Запекшийся от жажды рот...
Пьянчужки, знайте: кто пропьет
При жизни все свои пожитки,
В аду и рюмки не хлебнет —
Там слишком дороги напитки.

LXXIV

Еще раз бога помяну,
Чтоб в сердце укрепилась вера,
Затем, благословясь, начну.
Я, грешник, тощий, как химера,
Избавлен небом от холеры, —
И в этом божьей воли знак, —
О прочих горестях без меры —
Молчу. И начинаю так:

LXXV

Я завещаю первым делом
Заботу о душе своей
Тебе, Мария. В мире целом
Лишь ты от дьявольских когтей
Ее спасешь. Я не грешней
Других, а потому взываю:
О дева, смилуйся над ней
И приобщи к святому раю!

LXXVI

Затем я тело завещаю
Праматери, земле сырой.
Червям пожива небольшая —
Я съеден голодом живой!
Легко расстанусь я с душой,
Из глины сделан, стану глиной;
Кто сыт по горло нищетой,
Тот не стремится к жизни длинной.

LXXVII

Затем тебе, Гийом Вийон,
Кем вспоен, вскормлен, обогрет,
Кто пестовал меня с пелен,
Спасал не раз от многих бед,
Кто был отцом мне с юных лет,
Родимой матери добрее, —
Прими мой дар: ценнее нет
Среди всего, что я имею...

LXXVIII

Вот книги, все, что есть, бери,
Возьми роман мой «Тумбу Черта»,
Который мэтр Ги Табари
Переписал рукой нетвердой.
В нем я рассказываю гордо,
Без нежных рифм и плавных строф,
О том, как страже били морды
Ватаги буйных школяров.

LXXIX

А бедной матери моей
За слезы, горе и досаду,
За боль, что я доставил ей,
Дарю смиренную балладу.
Пусть ждут меня все муки ада,
Пусть я живу, судьбу кляня, —
Мое прибежище, отрада,
Старушка мать простит меня.

**БАЛЛАДА-МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ,
сочиненная Вийоном для своей матери**

О дева мать, владычица земная,
Царица неба, первая в раю,
К твоим ногам смиренно припадаю:
Пусть я грешна, прости рабу твою!
Прими меня в избранников семью!
Ведь доброта твоя, о мать святая,
Так велика, что даже я питаю
Надежду робкую тебя узреть
Хоть издали! На это уповаю,
И с верой сей мне жить и умереть.

Скажи Христу, — его рабой всегда я
Покорною была, всю жизнь мою.
Пусть буду прощена, как молодая
Блудница, встретив доброго судью,
Как Теофил, кто душеньку свою
Сгубил, несчастный, черту угождая, —
Такого никому не пожелаю!
Но ты, Мария, можешь всех призреть,
К святым дарам нас, грешных, приобретаю,
И с верой сей мне жить и умереть.

Старушка я, убогая, простая,
Не знаю даже букв — не утаю,
Лишь на стенах видала кудри рая
В часовне, где с молитвою стою,
И там же — ад. Гляжу и слезы лью.
В раю — свет божий, в пекле — тьма густая,
И страшно мне, и я шепчу, вздыхая,
Что мой удел — молиться и терпеть,
Надежды на спасенье не теряя,
И с верой сей мне жить и умереть.

---

*Во чреве ты носила, пресвятая,
Иисуса, царству коего нет края;
Любви исполнен, он сошел из рая
Людей спасти и муки претерпеть,
Очистить нас и умереть, страдая.
Наш вседержитель благ, я это знаю,
И с верой сей мне жить и умереть.*

LXXX

Тебе же, милая моя,
Ни чувств, ни сердца не дарю я:
Твои привычки помню я,
Ты любишь вещь совсем другую!
Что именно? Мошну тугую, —
Кто больше платит, тот хорош!
Скорей повешусь на суку я,
Чем отпишу тебе хоть грош.

LXXXI

Тебе, по-моему, и так
Хватает на парчу и шелк.
Я равьше мучился, дурак,
Но страсти голос нынче смолк.
В твоих повадках знаю толк, —
Ступай, коль плоть заговорит,
К Мишо: он свой исполнит долг,
Хоть сей сатир в грубу лежит.

LXXXII

Хочу оставить что-нибудь
Скорей самой Любви, чем той,
Кого любил. Но как раздуть
Огонь, засыпанный золой?
Все тщетно! Над самим собой
Смеюсь и щупаю рога я:
Ведь не со всеми ведьмой злой
Была подруга дорогая!

LXXXIII

Сию балладу ей слагаю,
В которой рифмы все на «эр».
Но кто прочтет ей? Полагаю,
Мой славный друг Пернэ ля Барр.
Коль встретит этот кавалер
Мою курносую подругу,
Пусть спросит на такой манер:
«Что, девка, дело нынче туго?»

БАЛЛАДА ПОДРУЖКЕ ВИЙОНА

Фальшивая душа — гвиллой товар,
Румяна лгут, обманывая взор,
Амур нанес мне гибельный удар,
Неугасим страдания костер.
Сомнения язвят острее шпор!
Ужель в тоске покину этот мир?
Алмазный взгляд смягчит ли мой укор?
Не погуби, спаси того, кто сир!

Мне б сразу погасить в душе пожар,
А я страдал напрасно до сих пор,
Рыдал, любви вымаливая дар...
Теперь же что? Изгнания позор?
Ад ревности? Все, кто на ноги скор,
Сюда, смотри: безжалостный кумир
Мне произносит смертный приговор!
Не погуби, спаси того, кто сир!

*Весна пройдет, угаснет сердца жар,
Иссохнет плоть, и потускнеет взор.
Любимая, я буду тоже стар,
Любовь и тлен, — какой жестокий вздор!
Обоих нас ограбит время-вор,
На кой нам черт тогда брэнчанье лир?
Ведь лишь весна струит потоки с гор.
Не погуби, спаси того, кто сир!*

---

*О принц влюбленных, добрый мой сеньор,
Пока не кончен жизни краткий пир,
Будь милосерд и рассуди наш спор!
Не погуби, спаси того, кто сир!*

I.LXXXIV

*Итье Маршану подарил
Я в дни былые свой кинжал;
Теперь стихи я сочинил,
Чтоб он мотив к ним подобрал.
О той, кого Итье знал,
Сей De profundis без имен:
Я называть ее не стал,
Чтобы меня не проклял он.*

РОНДО

О Смерть, как на душе темно!
Все отняла, — тебе все мало!
Теперь возлюбленной не стало,
И я погиб с ней заодно, —
Мне жить без жизни не дано.
Но чем она тебе мешала,
Смерть?

Имели сердце мы одно,
Но ты любимую украла,
И сердце биться перестало,
А без него мне все равно —
Смерть.

LXXXV

Затем, почтенному Корню
Здесь новый дар я предлагаю.
Он, зная нищету мою,
Мне помогал... тюрьмой пугая!
Ему в награду завещаю
Сад мэтра Пьера Бобиньона:
Гнилой забор поднять желая,
Хозяин сдал сей сад Вийону.

LXXXVI

Чтоб он сгорел, забор проклятый!
Трудясь над ним превыше сил,
Сломал я ручку от лопаты
И ни гроша не получил.
Уж лучше б я заколотил
Чертог, что сдали мне внаем;
А тот, кто крюк мой утащил,
Пускай повесится на нем!

LXXXVII

Затем, подарок всех щедрей,
К чете Аман любовь храня,
Им оставляю, чтоб детей
Они плодили и, меня
Напрасно больше не кляня,
Утешились любовным пылом:
Ей дам не «Зебру», а коня,
Ему — не «Мула», а кобылу.

LXXXVIII

Затем тебе, Эслен Дени,
Парижа славный старожил,
Дарю ведро вина ольни —
Его нацедишь у Тюржи.
От вожделения дрожи,
Пей, но не пропивай ума!
Водою память освежи:
От кабака близка тюрьма.

LXXXIX

Затем получит пусть, вдвоем
С Итье Маршаном, мой кияжал
Наш адвокат Шарьо Гийом,
А сверх того один реал
Ему за труд я завещал;
И пусть еще получит, коль не
Доволен тем, что мало дал,
Звон тамплиерской колокольни.

XC

Затем Фурье, мой прокурор,
Получит за свои труды,
За следствие и приговор,
Два полных решета воды.
От горькой спас меня беды, —
За что все ему простится!
Но вдруг отыщутся следы?
Что ж, дело мастера боится,

ХСІ

Рагьеру Жаку опишу,
Однако при одном условии,
«Большую чашу»: я прошу
Там выпить за мое здоровье.
Но коль не поведет он бровью
И пить засядет у «Сосны»,
Пропьет, клянусь Христовой кровью,
Чулки, рубаху и штаны!

ХСІІ

Затем Лувьеру Николаю
И Меребефу не быков
И не баранов оставляю —
Ведь оба не из пастухов, —
К лицу им соколиный лов!
Без промаха, на всем скаку
Пускай хватают каплунов
В харчевне тетки Машекú.

ХСІІІ

Кабатчику Тюржи Робэну
В уплату долга передам
Права на должность эшевена,
Но пусть меня отыщет сам!
Рифмую с горем пополам
Каким-то слогом деревенским, —
Должно быть, вспомнил я двух дам
С их говорком пуатевенским.

XCIV

Красоток этих, в лентах, в бантах,
Я встрел, кажись, в Сен-Женеру
Близ Сен-Жюльена де Вованта,
В Бретани али в Пуату.
А говоря начистоту,
Я не такой еще осел,
Чтоб называть деревню ту,
Где ласку и любовь нашел.

XCV

Затем Рагьеру, но не Жаку,
А Жану, к ежедневным щам, —
Уважу рьяного служаку! —
Дарю отменного *леща*.
Похлебка стражника тоща,
Пусть у Байли хоть раз нажрется,
А пить захочет натошак, —
Из Сены досыта напьется!

XCVI

Для свиты Принца Дураков
Мишо дю Фура оставляю, —
Он и дурак, и острослов,
И петь горазд: «О Роза мая,
Я от любви к тебе сгораю!»
Ведь нет глупее *никого!*
Я с ним расстанусь не вздыхая:
Там весело, где нет его,

ХСVII

Затем сержантов городских,
Которых забывать не след,
Вознагражу, хотя б двоих:
Дени Ришье и Жан Валлет
Получат славный амулет —
Петлю витую из мочала.
От конной стражи меньший вред, —
Я пеших одарю сначала!

ХСVIII

Периэ Маршан, ля Барра чадо,
Кто всех знатнее и честней,
Получит от меня награду:
В герб — пару шулерских костей
И карты с крапом всех мастей.
Но если, где-нибудь играя,
В штаны навалит рыцарь сей, —
Чумою труса покараю!

ХСIX

Затем Шолету-бочару,
Чтоб ремесло забыл свое,
Оставлю я, когда умру,
Лионской шпаги лезвиё;
Пилу, рубанок, все старье
Пускай продаст, — добро какое!
На черта тихое житье
Тому, кто рвется к славе боя!

С

Затем пусть Жану Лу дадут, —
 Он парень с виду неплохой,
 Хотя на самом деле плут
 И, как Шолет, хвостун лихой, —
 Собачку из породы той,
 Что кур умеет воровать,
 И плащ мой длинный, — под полой
 Ворованное укрывать.

СИ

Затем, для пушего веселья,
 Палач Маз, «Дубовый Нос»,
 Любовное получит зелье,
 Чтоб он к жене своей прирос
 И целовал ее вчасос,
 Ни неба, ни земли не чуя,
 И доводил до горьких слез
 Своим... Но тут уж промолчу я.

СИИ

А капитану Жану Ру,
 Для доблестных его стрелков,
 Пускай дадут, когда умру,
 Не окорок от мясников,
 А шесть ободранных волков,
 Зажаренных в дрянном вине;
 Такой обед — для знатоков:
 Он им понравится вполне!

СIII

Конечно, волк не так уж сладок,
Пожалуй, погрубей цыплят,
Но на походе, у палаток,
Иль в дни осады все съедят!
Доволен будет весь отряд,
А кто замерзнет чересчур,
Когда повалит снег иль град, —
Пусть шубу выкроит из шкур.

СIV

Затем для Робинэ Тракайля,
Кто при казне стал богачом
(Пешком уж не пойдет, каналья,
Трусит на мерине верхом!),
Я оставляю то, о чем
Мечтает Робинэ пока,
И будет полной чашей дом,
Где не хватает лишь... горшка.

CV

Затем цирюльнику Жирару,
Который в Бур-ля-Рэн живет,
Оставлю таз, а лучше — пару,
Чтоб он удвоил свой доход.
Шесть лет назад — блаженный год! —
Жирнейшим пороссячьим мясом
При нем кормился без хлопот
Я с аббатисой из Пурраса.

CVI

Затем подам святым отдам,
Что всюду гнут смиренно спины,
Дань собирая по дворам,
В Бордо ль, в Париже, — все едино, —
Им оставляю суп гусиный,
Чтоб каждый нищий и монах
Мог после трапезы невинной
Часок поразмышлять в кустах.

CVII

Но где возьму я столько птицы?
Им бог пошлет, я убежден,
А также дамы и девицы
Им нанесут со всех сторон.
Отцы святые испокон
В моем Париже всем друзья:
Пока они лобзают жен,
Спокойно могут спать мужья!

CVIII

И зря бранился мэтр Матье
Из-за такого пустяка;
Не лучше был и Жан Пулье,
Кто проклинал святош, пока
Его не взяли за бока;
Мэтр Жан де Мен строфою целой
Покрыв монаха-толстяка, —
Христианское ли это дело!

СІХ

Нет, я монахам друг большой,
И чем могу, тем помогу.
Добра желаю всей душой
Святым отцам, — ей-ей, не лгу!
Напрасно люди, как врагу,
Им всевозможных бед желают.
Я лишь одно сказать могу:
Не трогай их — не завоняет,

СХ

Затем оставлю брату Бод,
Сластолюбивому скупцу,
Который по ночам стрижет
Одну заблудшую овду,
Секиру, чтобы наглецу
Тюскá пощекотать печенку
И вразумить, что не к лицу
У старца отбивать девчонку!

СХІ

Затем тому, кто восковую
Печать епископа кладет,
Дар подходящий отпишу я:
И пчел и соты — прямо в рот!
Пожуй — слюна сама пойдет!
Плюй да печатай — дело свято!
Кому — тюрьма, кому — приход
По милости епископата,

СХII

Для судей старый их сарай
Я после смерти перестрою,
Чтоб был не суд, а просто рай,
И всем по креслу дам с дырою
Из уваженья к геморрою,
А чтоб покрыть расходы все,
Пусть будет оштрафован вдвое
Шлюшонка-лейтенант Массэ!

СХIII

Повытчику де Вакери —
Мы тезки с ним, да не дружки, —
Дарю обновку от Аври:
Тугой ошейник из пеньки.
До самой гробовой доски,
Клянусь, не позабуду я,
Как, получая тумачи,
Визжал он, что́ твоя свинья!

СХIV

А пьянице Лорану Жану,
Чьи глазки заливает гной, —
Должно быть, с бабой полупьяной
Зачал его отец хмельной, —
Оставлю я мешок пустой,
Чтоб утирался утром рано;
Хорош сандал от хвори той,
Но он лишь папе по карману.

СХV

От имени суда святого,
Мэтр Жан Котар оштрафовал
Меня за два соленых слова:
Денизу к черту я послал.
За малый грех и штраф был мал, —
Котар щадил мои гроши!
Ему балладу написал
За упокой его души.

**БАЛЛАДА ЗА УПОКОЙ ДУШИ
МЭТРА ЖАНА КОТАРА**

Отец наш Ной, ты дал нам вина,
Ты, Лот, умел неплохо пить,
Но спьяну — хмель всему причина! —
И с дочерьми мог согрешить; ,
Ты, вздумавший вина просить
У Иисуса в Кане старой, —
Я вас троих хочу молить
За душу доброго Котара.

Он был достойным вашим сыном,
Любого мог он перепить,
Пил из ведра, пил из кувшина,
О кружках что и говорить!
Такому б только жить да жить, —
Увы, он умер от удара.
Прошу вас строго не судить
Пьянчугу доброго Котара.

Бывало, пьяный как скотина,
Уже не мог он различить,
Где хлев соседский, где перина,
Всех бил, крушил, — откуда прыть!
Не знаю, с кем его сравнить?
Из вас любому он под пару,
И вам бы надо в рай пустить
Пьянчугу доброго Котара.

Принц, он всегда просил налить,
Орал: «Сгораю от пожара!»
Но кто мог жажду утолить
Пьянчуги доброго Котара?!

СХVI

Затем хочу, чтоб юный Мерль
Теперь моим менялой стал,
Но чтобы жульничать не смел,
А был честнее всех менял
И тем, кто хочет, предлагал
По два *барашка* за овцу
И по сто франков за реал, —
Влюбленным скупость не к лицу!

СХVII

Затем, узнал я сторопою,
Что трое маленьких сирот, —
Обросших сивой бородою
И обирающих народ, —
Растут, — мошна у них растет! —
В Сорбонну ходят, — за долгами! —
Теперь любой их назовет
Прилежными учениками.

СХVIII

Так пусть поможет им в ученье
Мэтр Пьер Ришье. Но надо знать:
«Донат» для них — одно мученье!
Как дательный падеж понять
Тому, кто не привык давать?
У них и так ума палата,
Коль научились повторять:
«Тебе и честь и слава, злато!»

СХIX

От лишних знаний только беды,
Знать больше бог им не велит,
И вовсе ни к чему им «Кредо»:
Рискованно давать в кредит!
Душа моя за них болит,
Я плащ мой длинный разрываю
И половину, без обид,
На сласти деткам завещаю.

СХХ

Но пусть их лупят каждый день,
Чтоб тверже помнили уроки
И чтоб умели, набекрень
Надвинув шапки, руки в боки,
Когда платить приходят сроки,
Кричать: «Долги? За что?! Кому?!!»
Пусть скажут кумушки-сороки:
«Дворяне, видно по всему!»

СХХI

Затем два служки-бедняка, —
Красавцы, говорю без лести! —
Два статных, ладных паренька,
Которым вместе лет под двести,
Получат дом на бойком месте,
Богатый, новый, а при нем
К ним перейдет для большей чести
Хозяин, мэтр Гельдри Гийом.

СХХII

Сейчас — мальчишки, сумасброды,
Но мне они милы и так.
Лет через тридцать — сорок годы,
Бог даст, состарят забяк,
Ну, а пока, кто не дурак,
С причиной или без причины,
Пусть порют их за все и всяк:
Под розгами растут мужчины!

СХХІІІ

Ленивы малость простаки,
Но я подумаю о том,
Чтобы не спали, как сурки,
Они за книгой сладким сном.
Пусть твердо помнят об одном:
Проспит всю юность лежебока
И тщетно бегаёт потом,
Не зная отдыха и срока!

СХХІV

А я пока что напишу
Письмо коллеге-казначею,
Взять на хлеба их попрошу:
Ведь нету школяров беднее!
Пусть знают, как я их жалею
И как помочь им буду рад,
За их судьбу душой болея,
Хотя я им ни сват ни брат!

СХХV

Затем прево Мишо Кюль д'У
И богачу Шарло Таранну
На бедность пол-эрю найду —
Пусть ждут его, как с неба манну!
А чтоб не обрекали Жанну
И жен своих на долгий пост,
Я талисман для них достану,
Отрезав у барана... хвост,

СХХVI

Затем сеньору де Гриньи —
Владеет он уже Бисетром —
Я отпишу дворец Бийли,
В котором, правда, больше нет рам,
Нет половиц, и крышу ветром
Сорвало, падает стена,
Нуждаясь в подкрепление щедром,
А у меня — пуста казна.

СХХVII

Затем дарю Тибо ля Гарду...
Я вру: он не Тибо, а Жан,
Который все продует в карты!
Так что же дать ему? Стакан?
А может, «Бочку»? Будет пьян,
Утонет в ней. Сей дар скорее
Отдам Женевуа, чей сан
Повыше, да и пьет он злее.

СХХVIII

Затем я Жану де Рюэлю
Велю: судейским и писцам,
Мотэну, Базанье, Ронэлю
Отвесить, как для знатных дам,
Гвоздики с лавром пополам,
И в блеске этого убора
Я на расправу их отдам
Слуге святого Христофора,

СХХІХ

Прево парижскому, который
Жену копьём себе добыл,
Не тратя слов на разговоры
(Не то, что Гектор иль Троиц), —
Он короля Ренэ сразил
И первым стал в турнирном круге, —
Сию балладу я сложил
В честь молодой его супруги.

**БАЛЛАДА ПРЕВО-МЛАДОЖЕНУ,
дабы он вручил ее своей супруге
Амбруазе де Лора**

Алой окрашено небо зарей,
Мечется сокол в предчувствии боя,
Брошенный в небо, мчится стрелой,
Ранит голубку и мнет под собою.
Участь нам эту всевластной рукою
Амур уготовал. Ваша звезда,
Знайте, уже не затмится другою,
А поэтому с вами я буду всегда.

Душу мою не отдам я другой,
Если уйдете — расстанусь с душою.
Лавры сплетутся венком надо мной,
Оливы излечат страданье любое;
Разум твердит, что с вами одною
Это возможно будет, когда
Станете вы моей верной женою,
А поэтому с вами я буду всегда.

Если же буду обманут судьбой
Или низвергнут злобой людскою,
Вы своим взглядом и нежной рукой
Развеете тучи, как ветер весною.
В лоне, что было еще целиною,
Посеяв любовь, в ожиданье плода
Я должен беречь вас от града и зноя,
А поэтому с вами я буду всегда.

Принцесса, поверьте! Отныне покоя
От вас вдалеке мне не знать никогда!
Без вас я погибну, измучен тоскою,
А поэтому с вами я буду всегда.

СХХХ

Затем ни Франсуа, ни Жану
Пердье, хоть с ними и знаком,
Я ничего дарить не стану,
На гроб земли не брошу ком!
Их злобным, лживым языком
Перед епископом из Буржа
Я выставлен был дураком —
Нет в мире униженья хуже!

СХХХІ

Я книги Тайлевана взял,
Искусство поваров постиг,
С усердием рецепт искал,
Как мне сварить такой язык.
Но только маг Макэр, кто вмиг
Хоть черта превратит в жаркое,
Мне вычитал из черных книг
И средство передал такое:

**БАЛЛАДА О ТОМ,
КАК ВАРИТЬ ЯЗЫКИ
КЛЕВЕТНИКОВ**

В горячем соусе с приправой мышьяка,
В помоях сальных с падалью червивой,
В свинце кипящем, — чтоб наверняка! —
В кровях нечистых ведьмы похотливой,
С обмывками вонючих ног потливых,
В слюне ехидны, в смертоносных ядах,
В помете птиц, в гнилой воде из кадок,
В янтарной желчи бешеных волков,
Над серным пламенем клокочущего ада
Да сварят языки клеветников!

В бурлящей извести без примеси песка,
В которую свалился кот блудливый,
В струе зловонной черного хорька,
В навозной жиже с гнойною подливой,
В той пене, что роняет мул строптивый,
В болотине, где копошится стадо

Пиявок, жаб и им подобных гадов,
Облезлых крыс, червей и слизняков,
В крошечной тьме среди густого смрада
Да сварят языки клеветников!

В кислотах, в щелочи и едких порошках,
С живой гадюкой в кольчатых извивах,
В крови, что сохнет у цирюлен на лотках,
Как медь, зеленая и черная, как слива,
Когда луна встает в часы прилива,
В смоле, что льется сверху при осадах,
В тазу, где девки делают что надо, —
Кто их знавал, поймет без лишних слов, —
Во мгле, в клубах отравленного чада
Да сварят языки клеветников!

Принц, не пугайся этого парада.
Коль нет котлов — не велика досада:
Довольно будет и ночных горшков,
И там, в дерьме из пакостного зада,
Да сварят языки клеветников!

СХХХII

Затем Андрэ Куро мой «Спор
С Гонтье» дарю, с кем невозбранно
И смело спорю. С давних пор
Страшусь лишь близости тирана,
Похвал, наград, сетей обмана;
В Писанье сказано не зря,
Что гибнет поздно или рано
Бедняк от милостей царя.

СХХХІІІ

Конечно, мне Гонтю не страшен,
Он, как и я, бедняк нагой,
И знатностью он не украшен.
Так что ж он славит жребий свой?
Без крова летом и зимой
Страдать и упиваться горем?
Как можно хвастать нищетой!
Но кто же прав? А ну, поспорим!

БАЛЛАДА-СПОР С ФРАНКОМ ГОНТЬЕ

Толстяк монах, обедом разморенный,
Разлегся на ковре перед огнем,
А рядом с ним блудница, дочь Сидона,
Бела, нежна, уселась нагишом;
Горячим услаждаются вином,
Целуются, — и что им кущи рая!
Монах хохочет, рясу задирая...
Сквозь щель на них я поглядел украдкой
И отошел, от зависти сгорая:
Живется сладко лишь среди достатка.

Когда б Гонтье, с Еленой обрученный,
Был с этой жизнью сладкою знаком,
Он не хвалил бы хлеб непропеченный,
Приправленный вонючим чесноком,
Сменял бы на горшок над камельком
Все цветики и жил бы не сучая!
Ну что милей: шалаш, трава сырая
Иль теплый дом и мягкая кровать?
Что скажете? Ответ предвосхищаю:
Живется сладко лишь среди достатка.

Лишь воду пить, жевать овес зеленый,
И круглый год не думать о другом?
Все птицы райские, все роши Вавилона
Мне не заменят самый скромный дом!
Пусть Франк Гонтье с Еленю вдвоем
Живут в полях, мышей и крыс пугая,
Вольно же им! У них судьба другая.
Мне от сего не кисло и не сладко;
Я, сын Парижа, здесь провозглашаю:
Живется сладко лишь среди достатка!

Принц, ты со мной согласен, полагаю.
Боюсь, что надоели мы порядком,
Но то, что слышал, снова повторяю:
Живется сладко лишь среди достатка.

СХХХIV

Затем девицу де Брюйер,
Хавжу старинного закала,
Оставлю сплетницам в пример,
Чтобы она их обучала,
Но не в церквах, не где попало,
А на базарах, у лотков:
Их языки острее жала,
У них довольно смачных слов.

БАЛЛАДА О ПАРИЖАНКАХ

Идет молва на всех углах
О языках венецианок,
Искусных и болтливых свах,
О говорливости миланок,
О красноречии пизанок
И бойких Рима дочерей...
Но что вся слава итальянок!
Язык Парижа всех острей.

Не умолкает и в церквах
Трескучий говорок испанок,
Есть неумные в речах
Среди венгерок и гречанок,
Пруссачек, немок и норманнок,
Но далеко им, ей-же-ей,
До наших маленьких служанок!
Язык Парижа всех острей.

Бретонки повергают в страх,
Гасконки хуже тулузанок,
И не найти во всех краях
Косноязычней англичанок,
Что ж говорить мне про датчанок, —
Всех не вместишь в балладе сей! —
Про египтянок и турчанок?
Язык Парижа всех острей.

Принц, первый приз — для парижанок:
Они речистостью своей
Заткнут за пояс чужестранок!
Язык Парижа всех острей.

СХХХV

Взгляните сами, кто не верит:
Вблизи церковного двора,
Или у монастырской двери
Садятся, юбки подобрав,
Мои красотки, и с утра
Во все вникают так глубоко!..
Внимай, нет худа без добра, —
Макробию до них далеко!

СХХХVI

Монмартрскому монастырю,
Чтоб стал он выше всех домов,
Холм Валерьяна я дарю
И отпущение грехов
Из Рима, для святых отцов
Мной купленное на полгода, —
Быть может, от моих даров
У них прибавится дохода!

СХХХVII

Затем служанкам и лакеям
Я завещаю пировать,
Господской снеди не жалел,
Фазанов, уток — все сожрать,
Напиться так, чтобы не встать,
К утру еще опохмелиться
И на хозяйскую кровать
С любезным другом завалиться.

СХХХVIII

А благородным парижанкам
Я, право, ничего не дам:
Все, что имел, раздал служанкам.
Мой дар не для богатых дам, —
Нужнее милостыня там,
Где дочери простолюдинов
В слезах взывают к небесам
В монастырях у селестинов,

СXXXIX

У якобитов и в Шартрёзе.
Монахам сытым — черт не брат!
А эти дрогнут на морозе,
Лишь крохи с их стола едят
И в муках призывают ад.
Но я уверен, — нет сомненья! —
За эту нищету простят
Им все грехи и прегрешенья.

СXL

Затем тебе мой дар, Марго,
Нежнейшая из всех толстух.
Клянусь душой, brulare bigod,
Честнее не видал я шлюх!
Любил и плоть ее, и дух,
И крепко был любим в награду, —
Прошу, при встрече с нею, вслух
Ей прочитать мою балладу.

БАЛЛАДА О ТОЛСТУХЕ МАРГО

Толстуху люблю, ей служу от души!
Вы скажете, глуп иль собою урод?
Пойди-ка, такую найди за гроши!
И грудь и живот хоть кого завлечет, —
Недаром к нам валит гулящий народ,
И мчусь я с кувшином — вина подзанять,
И хлеба, и сыра спешу им подать,
А сам в уголке напиваюсь потом...
Марго вам по нраву? Мы ждем вас опять
В притоне, где стол наш и дом.

Но наши дела не всегда хороши.
Коль денег от гостя Марго не берет,
Не смотрят глаза и воротит с души!
Снимаю рубаху с нее за расход,
Клянусь, что и юбку пушу в оборот...
Да разве антихриста этим унять?
Костит меня в бога и в господа мать,
Вопит! Но тогда ей пишу кулаком

Расписку под носом, чтоб не забывать:
В притоне и стол наш и дом.

А после — в постель! Копошимся в тиши,

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Раздавлен, молчу и не смею кричать
В притоне, где стол наш и дом.

*Вой ветер, лей дождь, — мне на все наплевать:
Истоплена печь и согрета кровать,
Любовник возлюбленной даме под стать,
Лисице жить с лисом, а кошке — с котом!
Отребью — отрешья, — о чем же вздыхать?
Нет чести в бесчестье — ее не сыскать
В притоне, где стол наш и дом.*

СХІ

Затем Марион-Карге веселой,
И Жанне, бойкой чересчур,
Открыть я завещаю школы,
Где яйца обучают кур.
Открыть повсюду! Только чур,
Не в Менской башне, — в ней так тесно
И холодно, что сам Амур
Забудет то, что всем известно.

СХІІ

Затем тебе, Ноэль Жоли,
Я двести розог завещаю,
Что словно для тебя росли,
Дождаться дня того не чая,
Когда назначу палача я,
Чтоб высек он тебя. Смотри, —
Я это дело поручаю
Достопочтенному Анри.

СХІІІ

Затем, не знаю что и дать
Приютам и домам призренья.
Здесь зубоскальство не под стать:
Хватает бедным униженья!
Святым отдам для разговенья
Я дал гусей. Остался... пар.
И это примут с вождельем —
Для бедных благо всякий дар!

СХІV

Затем, чтобы во всем везло
Цирюльнику Колэн Галерну,
Соседу мэтра Анжело,
Оставляю... Что?.. Весь лед из Марны!
Пускай, наследству рад безмерно,
Поохладит свои жиры
Зимой, тогда и летом, верно,
Он не почувствует жары.

СХLV

Приютским детям бог пошлет,
А я хочу утешить голь,
Заблудших сызмальства сирот, —
Марион-Карга поймет их боль!
Я преподам урок им, коль
Их разум не совсем угас;
Он прост, но выслушать изволь.
Я говорю в последний раз.

УРОК ВИЙОНА

Красавцы, не теряйте самой
Прекрасной розы с ваших шляп!
Сомнет ее судья гнусавый,
Останется вам конопля;
В Рюэле холодна земля,
И в Монпипо грязь по колено,
И всюду вервие смолят
Для вас, как для Кайо Колэна.

Играют там не в дурака,
Там ставят жизнь, и душу тоже,
Честь проигравшим высока,
И смерть тяжка, — помилуй боже!
И тем, кто выиграл, на ложе
С Дидоною из Карфагена
Вовек не лечь... Так для чего же
Все отдавать за эту цену?

Теперь послушайте меня,
Совет я добрый дать хочу:
Пей днем, пей ночью у огня,
Пей, если пьянство по плечу, .
И все, что есть, — сукно, парчу, —
Спусти скорей! Придет пора,
Кому оставишь? Палачу?
От воровства не жди добра.

**БАЛЛАДА ДОБРЫХ СОВЕТОВ
ВЕДУЩИМ ДУРНУЮ ЖИЗНЬ**

В какую б дудку ты ни дул,
Будь ты монах или игрок,
Что банк сорвал и улизнул,
Иль молодец с больших дорог,
Писец, взимающий налог,
Иль лжесвидетель лицемерный, —
Где все, что накопить ты смог?
Все, все у девок и в тавернах!

Пой, игрищ раздувай разгул,
В литавры бей, труби в рожок,
Чтоб развеселых фарсов гул
Встряхнул уснувший городок
И каждый денюги приволок!
С колодой карт краплёных, верных
Всех оберни! Но где же прок?
Все, все у девок и в тавернах!

Пока в грязи не потонул,
Прибрати земли клочок,
Паши, коси, трудись, как мул,
Когда умом ты недалек!
Но все пропьешь, дай только срок, —
Не верю я в мужей примерных, —
И лен, и рожь, и кошелек, —
Все, все у девок и в тавернах!

Все, от плаща и до сапог,
Пока не стало дело скверно,
Скорее сам носи в залог!
Все, все у девок и в тавернах.

СХГ. VI

Вам говорю, друзья, собратья,
Кто телом здрав, но хвор душой:
Тесны пеньковые объятья,
Бегите от судьбы такой!
Вам «Со святыми упокой»
Уже никто не пропоет,
Когда спознаетесь с петлей...
А смертный час ко всем придет.

СXLVII

Затем мой дар слепцам Парнжа, —
Мне прочим нечего подать,
Но парижан я не обижу, —
Так вот, чтоб легче разобрать
Могли на кладбище, где тать,
А где святой гниет в гробу,
Слепым прошу я передать
Мои очки — носить на лбу.

СXLVIII

Я не шучу, помилуй боже!
Их распознать — не легкий труд.
При жизни спят на мягком ложе
Одни, другие пьют и жрут,
А третьи пляшут и поют, —
Но всех уравнивает тленье,
И кто, и где тут — разберут
Лишь по грехам в день воскресенья.

СXLIX

Я вижу черепов оскалы,
Скелетов груды... Боже мой,
Кто были вы? Писцы? Фискалы?
Торговцы с толстою мошной?
Корзинщики? Передо мной
Тела, истлевшие в могилах...
Где мэтр, а где школяр простой,
Я различить уже не в силах.

СЕ

Здесь те, кто всем повелевал,
Король, епископ и барон,
И те, кто головы склонял, —
Все равны после похорон!
Вокруг меня со всех сторон
Лежат вповалку, как попало,
И нет у королей корон:
Здесь нет господ, и слуг не стало.

СЛИ

Да вознесутся к небесам
Их души! А тела их сгнили,
Тела сеньоров, знатных дам,
Что сладко ели, вина пили,
Одежды пышные носили,
В шелках, в мехах лелея плоть...
Но что осталось? Горстка пыли.
Да не осудит их господь!

СЛИИ

Сей скорбный дар — для мертвецов,
Чтоб рыцарь и скупой монах,
Владельцы замков и дворцов
Узнали, как, живым на страх,
Свирепый ветер сушит прах
И моет кости дождь унылый
Тех, кто не сгинул на кострах, —
Прости их, боже, и помилуй!

СЛП

Не мог Кардону, как на грех,
Найти достойного предмета!
Но, одарить желая всех,
Ему оставлю два куплета.
Будь эта песенка пропета,
Как некогда Марьон певала
О том, как любит Гийометта, —
Она б на всех углах звучала.

РОЦДО

На воле вновь после тюрьмы,
Где я лишь чудом не подох!
И если вновь дозволит бог
Меня упечь туда, увы,
Не знаю, как решите вы,
А я увижу в том подвох
После тюрьмы.

Ужель опять решетки, рвы,
Кормить до самой смерти блох?
Вот будет в рай попасть предлог,
Коль не снесу я головы
После тюрьмы!

СLIV

Затем получит мэтр Ломэ
Волшебный дар прекрасной феи,
То, что у женщин на уме, —
Ожье Датчанина трофей!
Среди девиц раздоры сея,
Любовный совершать обряд
Тогда он сможет, не слабя,
Хоть полтораста раз подряд.

СLV

Затем, измученным любовью
Любовникам, уткнувшим нос
В стихи Шартье, к их изголовью
Дарю кропильницу для слез
С кропилом из увядших роз,
Чтоб каждый в час ночной, бессонный
Молитву тихую вознес
За упокой души Вийона.

СLVI

А скареднику Жаку Жаму,
Кто даже спать привык с мошной,
В невесты дам люблюю даму!
Но все равно ему женой
Она не станет; так на кой
Же черт он копит деньги с детства?
Умрет, как жил, свинья свиньей,
И к свиньям перейдет наследство.

СЛ. VII

За то, что отдал Сенешал
Мой долг, ему без прибауток
Я ныне кузню завещал —
Подковывать гусей и уток.
А если разозлится, ну так
О нем не стоит и жалеть!
Я не могу писать без шуток,
Иначе впору умереть...

СЛ. VIII

Парижской стражи офицеру
Я завещаю двух пажей:
Маркэ и душку Филебэра.
Малюток не найти милей!
Подручными у палачей,
Не зная горя и печали,
Они служили с юных дней,
Теперь, в отставке, заскучали.

СЛ. IX

А часовому Капеллану
Охотно я передаю
Мою часовню и сутану
И паству тощую мою;
Но если б мог, не утаю,
Я исповедовал бы сам, —
Чтоб каждая была в раю, —
Служанок и прелестных дам,

CLX

Затем, чтобы меня узнал
Нотариус Калэ, чей дом
Я тридцать лет не посещал
И с коим вовсе незнаком,
Все завещанье целиком
Ему оставлю на расправу:
Коль что неясным будет в нем,
Он объяснять получит право

CLXI

И обо всем судить, рядить,
Все проверять, сопоставлять,
Соединять или дробить,
Приписывать или сокращать,
А если не учеп писать,
То каждую строку мою
К добру или к худу толковать, —
На все согласие даю.

CLXII

И если, упаси их боже,
Кто из наследников умрет,
Пускай нотариус мой все же
Стих соответственный прочтет
Их душам, там, где их найдет, —
Не вижу я иного средства! —
И даже мертвецов введет
В законные права наследства.

CLXIII

Прошу, чтобы меня зарыли
В Сент-Авуа, — вот мой завет;
И чтобы люди не забыли,
Каким при жизни был поэт,
Пусть нарисуют мой портрет.
Чем? Ну чернилами, конечно!
А памятник не нужен, нет, —
Раздавит он скелет мой грешный!

CLXIV

Пусть над могилою моею,
Уже разверстой предо мной,
Напишут надпись пожирнее
Тем, что найдется под рукой,
Хотя бы копотью простой
Иль чем-нибудь в таком же роде,
Чтоб каждый, крест увидев мой,
О добром вспомнил сумасброде:

CLXV

ЭПИТАФИЯ

Здесь крепко спит в земле сырой,
Стрелой Амура поражен,
Школяр, измученный судьбой,
Чье имя — Франсуа Вийон.
Своим друзьям оставил он
Все, что имел на этом свете.
Пусть те, кто был хоть раз влюблен,
Над ним читают строки эти:

РОНДО

Да увидет в рай его душа!
Он столько горя перенес,
Безбров, безус и безволос,
Голее камня-голыша,
Не накопил он ни гроша
И умер, как бездомный пес...
Да увидет в рай его душа!

Порой на господу греша,
Взывал он: «Где же ты, Христос?»
Пиянки под зад, тычки под нос
Всю жизнь, а счастья — ни шиша!
Да увидет в рай его душа!

CLXVI

Затем пусть колокол большой, —
Я это завещаю тоже, —
Звонит в соборе день-деньской.
Кто мог внимать ему без дрожи,
Так, чтоб мороз не драл по коже?
Не родился такой храбрец:
Ведь этот звон, на стэн похожий,
Кладет всем радостям конец.

CLXVII

Дам звонарям по три ковриги,
А если мало — по шести.
Ей-ей, все богачи-сквалығы
Не могут больше поднести!
Воллант почтенный, не грусти,
И ты, ля Гард, звони отменно!
А хлеб нетрудно обрести
На паперти у Сент-Этьена.

CLXVIII

Не полагаясь на удачу,
Чтоб локти после не кусать,
Я исполнителей назначаю,
Которым можно доверять.
Не им на господа роптать —
Они богаты, нет сомненья!
Хочу заранее назвать
Тех, кто оплатит погребенье.

CLXIX

Вот первый — мэтр Бельфэ Мартин,
Судья известный, мастер плети;
Сир Коломбель — еще один;
А кто еще? Кто будет третий?
Пусть на себя заботы эти
Возьмет и Жувенель Мишель, —
Они втроем за все в ответе!
Я свято верил в них досель.

CLXX

Но коль откажут в просьбе сей
Корысти мелочной в угоду,
Я попрошу моих друзей,
Из тех, что познатнее родом,
Взять на себя мои расходы.
Филипп Брюшель подаст пример,
За ним, из нашего прихода,
Мэтр благородный Жак Рагьер,

CLXXI

А третьим будет Жам Жако.
У всех троих достатка много,
И раскошелятся легко,
Страшась всевидящего бога.
Ведь лучше не сыскать предлога
Чтоб место обрести в раю!
Да не судимы будут строго,
Коль просьбу выполнят мою.

CLXXII

Мэтр огласитель заведанья
В нем не пойдет ни quid, ни quod:
Все огласит без колебанья
Мой однокашник Том Трикот.
Вот с кем гулялось без забот:
Я пил, он вынимал монеты.
Жаль, карты в руки не берет, —
Я б дал ему притон Перетты.

CLXXIII

Распорядиться о свечах
Гийома Рю я назначаю;
Перенести мой легкий прах
Наследникам препоручаю;
Я б продолжал, но боль такая
В паху, под мышками, что дня
Не проживу, и, подыхая,
Я всех прошу простить меня...

**БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ВИЙОН У ВСЕХ
ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ**

Прошу монахов и бродяг,
Бездомных нищих и попов,
И ротозеев, и гуляк,
Служанок, слуг из кабаков,
Разряженных девиц и вдов,
Хлыщей, готовых голосить
От слишком узких башмаков, —
Я всех прошу меня простить.

Шлюх, для прельщения зевак
Открывших груди до сосков,
Воров, героев ссор и драк,
Фигляров, пьяных простаков,
Шутейных дур и дураков, —
Чтоб никого не позабыть! —
И молодых, и стариков, —
Я всех прошу меня простить.

**А вас, предателей, собак,
За холод стен и груз оков,
За хлеб с водой и вечный мрак,
За ночи горькие без снов
Дерьмом попотчевать готов,
Да не могу штаны спустить!
А потому, не тратя слов,
Я всех прошу меня простить.**

**Но чтоб отделать этих псов,
Я умоляю не щадить
Ни кулаков, ни каблуков!
И всех прошу меня простить.**

БАЛЛАДА ПОСЛЕДНЯЯ

Вот и готово завещанье,
Что написал бедняк Вийон.
Теперь сходитесь для прощанья,
Для самых пышных похорон
Под громкий колокольный звон,
Он умер, от любви страдая!
В том гульфиком поклялся он,
Юдоль земную покидая.

Его отправили в изгнанье,
Но что Париж, что Руссильон,
Везде о нем воспоминаья
Остались у девиц и жен.
Нигде не унимался он,
Любой красотке угождая,
И был по-прежнему силен,
Юдоль земную покидая.

Все раздавал без колебанья,
И вот, до нитки разорен,
Скончался, претерпев страданья,
Амура стрелами пронзен
Навылет, — бедный ветрогон!
Но вот вам истина святая:
Он был, как юноша, влюблен,
Юдоль земную покидая.

Принц, ты не будешь удивлен,
Узнав, что, к чаше припадая,
До дна испил ее Вийон,
Юдоль земную покидая.

●

СТИХО-
ТВОРЕ-
-НИЯ

БАЛЛАДА-ЗАВЕТ ВИЙОНА

Голь перекатная, без чести, без ума,
Глупцы обманутые, вы живете
Чем бог пошлет, да нож, да ночи тьма...
Опомнитесь! Вы ж у себя крадете!
Неужто хочется на эшафоте,
Ломая руки, биться, как в бреду,
Взывая тщетно к богу и суду?
Кто молодость провел с законом в ссоре,
Потом клянет злосчастную звезду!
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

Зло в вас самих гнездится, как чума.
Мстить некому, — в себя же попадете!
Да, все мы знаем: этот мир — тюрьма.
Смиренье и добро здесь не в почете,
Но гнать людей, травить, как на охоте,
Срывая с них одежды на ходу,
В чужом ходить, чужую есть еду —
Помилуй бог! Юнцы такие вскоре
Казненных умножают череду, —
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

К чему же грабить, разорять дома,
Лгать, подличать для прокормленья плоти,
Красть, взламывать амбары, закрома?
Не страшно вам? Единым днем живете!
А что вас ждет? Петля в конечном счете.
Но я скажу вам, как избыть беду:
Вернитесь к богу, к честному труду,
Тогда излечитесь от смертной хвори,
А иначе — все встретимся в аду!
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

---

*Велел апостол позабыть вражду
И вместе мыкать горе и нужду,
Любить друг друга, попусту не споря,
Лишь в мире счастье, нет его в раздоре.
Об этом не напрасно речь веду, —
Написано злодеям на роду:
Кто сеет зло — пожнет позор и горе!*

БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ

Калят железо добела,
Пока горячее — куется;
Пока в чести — звучит хвала,
Впадешь в немилость — брань польется;
Пока ты нужен — все дается,
Ненужен станешь — ничего!
Недаром издавна ведется:
Гусей коптят на рождество.

Молва, что новая метла,
Метет, пока не обобьется;
Кто пустит в огород козла,
Пускай с капустой расстается;
Повадился кувшин к колодезю —
Поди-ка, удержи его,
Покуда сам не разобьется!
Гусей коптят на рождество.

Вещь дорога, пока мила;
Куплет хорош, пока поется;
Бутыль нужна, пока цела;
Осада до тех пор ведется,
Покуда крепость не сдается;
Теснят красотку до того,
Пока на страсть не отзовется.
Гусей коптят на рождество.

Дворняга сытая не зла;
Люб гость, покуда не упьется
И все не сдернет со стола;
Покуда ветер — ива гнется;
Покуда веришь — бог печется
О благе чада своего;
Последний хорошо смеется...
Гусей коптят на рождество.

Принц, дурень дурнем остается,
Пока не вразумят его
Иль сам за ум он не возьмется.
Гусей коптят на рождество.

БАЛЛАДА ПРИМЕТ

Я знаю, кто по-щегоольски одет,
Я знаю, весел кто и кто не в духе,
Я знаю тьму кромешную и свет,
Я знаю — у монаха крест на брюхе,
Я знаю, как трезвонят завирухи,
Я знаю, врут они, в трубу трубя,
Я знаю, свахи кто, кто повитухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю летопись далеких лет,
Я знаю, сколько крох в сухой краюхе,
Я знаю, что у принца на обед,
Я знаю — богачи в тепле и в сухе,
Я знаю, что они бывают глухи,
Я знаю — нет им дела до тебя,
Я знаю все затрешины, все плюхи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, кто работает, кто нет,
Я знаю, как румянятся старухи,
Я знаю много всяческих примет,
Я знаю, как смеются потаскухи,
Я знаю — проведут тебя простухи,
Я знаю — пропадешь с такой, любя,
Я знаю — пропадают с голодухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот,
Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придет,
И постоянство лишь в измене.
Кто крепко спит, тот стережет,
Дурак нам истину несет,
Труды для нас — одна забава,
Всего на свете горше мед,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Кто трезв, тем море по колени,
Хромой скорее всех дойдет,
Фома не ведает сомнений,
Весна за летом настает,
И руки обжигает лед.
О мудреце дурная слава,
Мы море переходим вброд,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Вот истины наоборот:
Лишь подлый душу бережет,
Глупец один рассудит право,
Осел достойней всех поет,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

**БАЛЛАДА
ПРОКЛЯТИЙ ВРАГАМ ФРАНЦИИ**

Да встретит огнедышащих зверей,
Как аргонавты у Колхидских гор,
Иль десять лет жрет на лугу пырей,
Как грешный царь Навуходоносёр,
Пускай бесславно канет в царство тлена,
Как Илион из-за красы Елены,
И вслед за Прозерпиною уйдет
В страну теней; за гранью адских вод
Пусть, как Дедал, томится в башне, в узах
Иль, как Тантал, безмерно жаждет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Пускай торчит сто двадцать долгих дней
Вниз головой, как выпь среди озер,
Иль сгинет между мельничных камней,
Живьем размолот, как святой Виктор,
Или сгинет, как Иов, постепенно,
Как Симон Маг низвергнется в геенну,

Иль, как Иуда, сам себя убьет,
Пусть, как Иону, кит его сожрет,
Пусть в камень превратит его Медуза,
Иль, как Нарцисс, пускай утонет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Пусть, Магдалины-грешницы голей,
Влачит везде и всюду свой позор,
Пусть обратится в столп среди полей,
Пусть Феб затмит ему навеки взор,
Пусть не вкусит Венеры дар бесценный,
Пусть золото, добытое изменой,
Расплавят и вольют ему же в рот,
Пусть, туркам проданный, познает рабства гнет,
Бесчестье, кнут и бремя тяжких грузов,
Иль, как Сардапал, погибнет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Принц, пусть Эол могучий унесет
Того, кто край родимый предает,
Позорит святость дружеских союзов,
И навсегда да будет проклят тот,
Кто посягнет на родину французов!

РОНДО

Жаңғыл Авиеню,
Сходи-ка ты в баню!
Ко святому дню,
Жаңғыл Авиеню!

Удиви родню,
Поплещись в лохани,
Жаңғыл Авиеню,
Сходи-ка ты в баню!

**БАЛЛАДА
ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА**

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедю вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,

Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не вижу я, кто бродит под окном,
Но звезды в небе ясно различаю.
Я ночью бодр и засыпаю днем.
Я по земле с опаскою ступаю.
Не вехам, а туману доверяю.
Глухой меня услышит и поймет.
И для меня полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

**БАЛЛАДА-ПОСЛАНИЕ ГЕРЦОГУ
БУРБОНСКОМУ**

Страны гроза и благодать,
Суровый принц со щедрой дланью!
Вийон, успевший испытать
Побои, нищету, изгнание,
Смиренно просит в сем посланье
Вознаградить его за труд.
Пусть вас сомненья не гнетут,
Готов поклясться перед всеми:
За мной долги не пропадут,
Верну вам все, лишь дайте время.

Не стал бы снова досаждать,
Но ваше первое даянье,
Все шесть эю, я разменять
Давно успел на пропитанье.
Сторицей за благодеянье
Воздам уже без новых ссуд;

Как только листья опадут,
Вставляйте смело ногу в стремя:
Я желудами в пять минут
Верну вам все, лишь дайте время.

Когда б я тело мог продать,
Иззябшее под ветхой рванью,
Не стал бы думать и гадать, —
Ломбардцам я без колебанья
Его бы снес. Ужель страданья
Мне в здешнем мире не зачтут?
О боже, где твой правый суд?
Доколь влечить мне это бремя?
Когда на кладбище снесут,
Верну вам все, лишь дайте время.

Принц, милосердия сосуд,
Поймите, каково мне тут
Вновь возвращаться к горькой теме!
Увы, карман мой пуст и худ...
Верну вам все, лишь дайте время.

ПРИПИСКА НА ОБОРОТЕ ПОСЛАНИЯ

Стихи мои, неситесь вскачь,
Как если б волки гнались сзади,
И растолкуйте, бога ради,
Что без гроша сижу, хоть плачь!

БАЛЛАДА-ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Ответьте горю моему,
Моей тоске, моей тревоге.
Взгляните: я не на дому,
Не в кабаке, не на дороге
И не в гостях, я здесь — в остроге.
Ответьте, баловни побед,
Танцор, искусник и поэт,
Ловкач лихой, фигляр хваленый,
Нарядных дам блестящий цвет,
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Не спрашивайте почему,
К нему не будьте слишком строги,
Сума кому, тюрьма кому,
Кому роскошные чертоги.
Он здесь валяется, убогий,
Постится, будто дал обет,

Не бок бараний на обед,
Одна вода да хлеб соленый,
И сена на подстилку нет.
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Скорей сюда, в его тюрьму!
Он умоляет о подмоге,
Вы не подвластны никому,
Вы господа себе и боги.
Смотрите — вытянул он ноги,
В лохмотья жалкие одет.
Умрет — вздохнете вы в ответ
И вспомните про время оно,
Но здесь, средь нищеты и бед,
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Живей, друзья минувших лет!
Пусть свиньи вам дадут совет:
Ведь, слыша поросенка стоны,
Они за ним бегут вослед.
Оставьте ль вы здесь Вийона?

СПОР СЕРДЦА И ТЕЛА ВИЙОНА

- Кто там стучится? — Я. — Кто это «я»?
— Я, Сердце скорбное Вийона-бедняка,
Что еле жив без пищи, без питья,
Как старый пес, скулит из уголка.
Гляжу — такая горечь и тоска!..
— Но отчего? — В страстях не знал предела!
— А ты при чем? — Я о тебе скорбело
Всю жизнь. — Отстань! Дай мне поразмышлять...
— И долго? — Жди, чтоб юность пролетела!
— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.
- Чего ты хочешь? — Сытого житья.
— Тебе за тридцать! — Не старик пока...
— И не дитя! Но до сих пор друзья
Тебя влекут к соблазнам кабака.
Что знаешь ты? — Что? Мух от молока
Я отличаю: черное на белом...
— И это все? — А ты чего хотело?
Коль непонятно, повторю опять.
— Погибло ты! — Держись пока что смело.
— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

— Мне горько, а тебя болезнь твоя
Измучила. Иного дурака
Безмозглого еще простило б я,
Но не пустая ж у тебя башка!
Иль жизнь тебе такая не тяжка?
Иль мало ты позора претерпело?
Что ж, отвечай! — Тебе-то что за дело?
Все кончится, как буду подыхать.
— Утешило, сколь мудро, сколь умело!
Теперь молчу. — А мне... мне наплевать.

— Мне больно... — Эта боль — судьба моя:
Гнетет Сатурна тяжкая рука
Меня всю жизнь! — Сужденье дурачья!
Всяк сам себе хозяин, жив пока,
И... вспомни Соломона-старика:
Он говорил, что мудрецу всецело
Послушен рок и что не в звездах дело...
— Вранье! Ведь не могу иным я стать,
Как никогда не станет уголь мелом!
— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

— *Ведь жить ты хочешь?* — Мне не надоело.
— *И ты расквасишься?* — Нет, время не приспело.
— *Людей шальных оставь!* — Во как запело!
  Людей оставь... А с кем тогда гулять?
— *Опомнись! Ты себя загубишь, Тело!*
— *Но ведь иного нет для нас удела...*
— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

Эй, Франсуа, ты что там поднял крик?
Да если б я, Фортуна, пожелала,
Ты живо прикусил бы свой язык!
И не таких, как ты, я укрощала,
На свалке их валяется немало,
Сгубил их меч, измена, нищета.
А что за люди! Не тебе чета!
Ты вспомни-ка, мой друг, о том, что было,
Каких мужей сводила я в могилу,
Каких царей лишала я корон,
И замолчи, пока я не всплыла!
Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон?

Бывало, гневно отворачала лик
Я от царей, которых возвышала:
Так был оставлен мной Приам-старик,
И Троя грозная бесславно пала;
Так отвернулась я от Ганнибала,
И Карфагена рухнули врата,

Где город был — там смерть и пустота;
И Сципиона я не пощадила,
И Цезаря в сенате поразила,
Помпей в Египте мною умерщвлен,
Язона я в пучине утопила, —
Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон!

Вот Александр, на что уж был велик,
Звезда ему высокая сияла,
Но принял яд и умер в тот же миг;
Царь Альфазар был свергнут с пьедестала,
С вершины славы, — так я поступала!
Авессалом надеялся спроста,
Что убежит, — да только прыть не та! —
Я беглеца за волосы схватила;
И Олоферна я же усыпила,
И был Юдифью обезглавлен он...
Так что же ты клянeshь меня, мой милый?
Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон!

Знай, Франсуа, когда б имела силу,
Я б и тебя на части искрошила.
Когда б не бог и не его закон,
Я б в этом мире только зло творила!
Так не ропщи же на Судьбу, Вийон.

**ЧЕТВЕРОСТИШИЕ,
которое написал Вийон,
приговоренный к повешению**

**Я — Франсуа, чему не рад.
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.**

БАЛЛАДА ПОВЕШЕННЫХ

О люди-братья, мы зываем к вам:
Простите нас и дайте нам покой!
За доброту, за жалость к мертвецам
Господь воздаст вам щедрою рукой.
Вот мы висим печальной чередой,
Над нами воронья глумится стая,
Плоть мертвую на части раздирая,
Рвут бороды, пьют гной из наших глаз...
Не смейтесь, на повешенных взирая,
А помолитесь господу за нас!

Мы — братья ваши, хоть и палачам
Достались мы, обмануты судьбой.
Но ведь никто, — известно это вам? —
Никто из нас не властен над собой!
Мы скоро станем прахом и золой,
Окончена для нас стезя земная,
Нам бог судья! И к вам, живым, зывая,
Лишь об одном мы просим в этот час:
Не будьте строги, мертвых осуждая,
И помолитесь господу за нас!

Здесь никогда покоя нет костям:
То хлещет дождь, то сушит солнца зной,
То град сечет, то ветер по ночам
И летом, и зимою, и весной
Качает нас по прихоти шальной
Туда, сюда и стонет, завывая,
Последние клочки одежд срывая,
Скелеты выставляет напоказ...
Страшитесь, люди, это смерть худая!
И помолитесь господу за нас.

О господи, открой нам двери рая!
Мы жили на земле, в аду сторя.
О люди, не до шуток нам сейчас,
Насмешкой мертвецов не оскорбляя,
Молитесь, братья, господу за нас!

**БАЛЛАДА-ОБРАЩЕНИЕ
К ТЮРЕМНОМУ СТОРОЖУ ГАРНЬЕ**
после того как Вийон добился отмены
смертного приговора

Ты что, Гарнье, глядишь так хмуро?
Я прав был, написав прошение?
Ведь даже зверь, спасая шкуру,
Из сети рвется в исступление!
А мне такое песнопенье
Пропели, что ни сесть, ни встать, —
Святой бы вышел из терпенья!
Скажи-ка, мог ли я молчать?

За то, что в честность верил слуру,
Я осужден без преступления.
Ты понимаешь процедуру
Такого судебного верья?
Раз ты бедняк и, без сомненья,
Капету-мяснику не зять, —
Не жди от судий сожаленья!
Скажи-ка, мог ли я молчать?

Ты думал, раз ношу тонзуру,
Я сдамся без сопротивления
И голову склоню понуро?
Увы, утратил я смиренность!
Когда судебное решение
Писец прочел, сломав печать:
«Повесить, мол, без промедленья», —
Скажи-ка, мог ли я молчать?

Принц, если бы молчал как пень я,
Давно бы, Клотарю под стать,
Бродил в аду бесплотной тенью, —
Скажи-ка, мог ли я молчать?

**БАЛЛАДА-ВОСХВАЛЕНИЕ ПАРИЖСКОГО СУДА
с просьбой предоставить Вийону три дня отсрочки
на сборы перед изгнанием**

Пять чувств моих, проснитесь: чуткость кожи,
И уши, и глаза, и нос, и рот;
Все члены встрепенитесь в сладкой дрожи:
Высокий Суд хвалы высокой ждет!
Кричите громче, хором и вразброд:
«Хвала Суду! Нас, правда, зря терзали,
Но все-таки в петлю мы не попали!..»
Нет, мало слов! Я все обдумал здраво:
Прославию речью бедною едва ли
Суд милостивый, и святой, и правый.

Прославь же, сердце, Суд, что мог быть строже,
Излей слезами умиления мед!
Пусть катятся по исхудалой роже,
Смывая грязь тюремную и пот,
Следы обид, страданий и забот.

Французы, иноземцы — все дрожали,
Взирая на судебные скрижали,
Но в мире справедливой нет державы, —
Здесь многие раз навсегда познали
Суд милостивый, и святой, и правый.

А вы что, зубы? Вам молчать негоже!
Пусть челюсть лязгает и как орган поет
Хвалы Суду, и селезенка тоже,
И печень с легкими вступают в свой черед
Пусть колоколом вторит им живот,
Все тело грешное, — его вначале
Отмыть бы надо, чтоб не принимали
Меня за кабана в трясине ржавой, —
А впрочем, пусть восхвалит без печали
Суд милостивый, и святой, и правый.

Принц, если б мне три дня отсрочки дали,
Чтоб мне свои в изгнанье подобрали
Харчей, деньжишек для дорожной sprawy,
Я б вспоминал, уйдя в чужие дали,
Суд милостивый, и святой, и правый.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собою почти полное собрание произведений Франсуа Вийона: в него не вошли только баллады, написанные на воровском жаргоне, и «Слово и баллада по случаю рождения Марии Орлеанской» — вещь слабая, искусственная и для творчества Вийона не характерная.

В работе над текстом и примечаниями использованы комментированное издание произведений Вийона, подготовленное Л. Тюанем (Париж, 1923, тт. I—III), а также одно из последних изданий под редакцией О. Ловьопа (Париж, 1958). Расположение произведений сохранено традиционное. Исключение составляет «Баллада-восхваление Парижского суда», помещенная в самом конце: обычно она идет предпоследней, но по своему содержанию, — в ней Вийон просит дать ему три дня отсрочки на сборы перед изгнанием, из которого он уже не вернулся, — по-видимому, должна быть завершающей.

В отсылках приняты следующие сокращения: «Малое Завещание» — МЗ, «Большое Завещание» — БЗ. Римскими цифрами обозначены номера строф.

МАЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

I. *Везеций* — римский писатель IV в., автор «Краткого изложения военного дела». Этот трактат перевел на французский язык один из авторов «Романа о Розе» Жан де Мея (ок. 1240—ок. 1305), и Вийон, видимо, знал этот перевод.

IX. *Гийом Вийон* (1398—1468) — каноник церкви св. Бенедикта в Париже, приемный отец Франсуа, который и дал поэту свое имя — Вийон.

XI. *Жан Корню* — писец Парижского суда.

Итье Маршан — сверстник Вийона, приближенный герцога Беррийского. Умер в тюрьме, куда был заключен за попытку отравить короля Людовика XI.

XII. Супруги *Сент-Аман*. — Пьер де Сент-Аман был сборщиком податей, затем писцом королевской казны. Вийон дарит чете Сент-Аман вывески двух харчевен. См. БЗ, LXXXVII.

Жан Бларрю — парижский ювелир.

XIII—XV. *Робэр Валэ* — богатый судейский писец, *Жаннетта де Мильер* — его любовница.

«Трюмильер» — харчевня близ Центрального рынка в Париже. Кроме вымышленного труда Идиотуса *«Искусство памяти»*, Вийон дарит Валэ место на *палерги святого Жака*, у церкви, где уличные писцы обычно строчили кллузы.

XVI. *Жак Кардон* — богатый купец-суковщик.

XVII. *Ренье де Монтиньи* — друг юности Вийова; в 1457 г. был повешен за принадлежность к разбойничьей шайке «кокильяров». Как «дворянину», Вийон дарит ему трех псов — псовая охота была тогда привилегией дворян.

Жан Рагьер — состоятельный городской стражник.

XVIII. *Де Гриньи* — родовое имя, на которое претендовал известный сутяга Филипп Брюнель. Поэт дарит ему *Бисегр* — замок, лежавший тогда в развалинах, и *башню Нижона*, тоже разрушенную.

Мутон — со слов поэта мы знаем о нем только одно: он возбудил против Брюнеля судебный процесс.

XIX. *Жак Рагьер* — сверстник Вийона, сын королевского повара.

XX. *Жан Мотэн* — следователь Парижского суда, который вел дело об ограблении Наваррского коллежа (см. предисловие, стр. 10, 11).

Пьер Базанье — следователь, затем королевский нотариус и судейский писец.

Пьер Фурнье — прокурор прихода св. Бенедикта при Парижском суде.

XXI. *Жан Трувэ* — мясник, не раз привлекавшийся к суду за уличные драки. Вийон дарит ему вывески харчевен и частных домов. В Париже XV века такие вывески на домах заменяли номера.

XXII. «*Шлем*» и «*Три фонаря*» — парижские харчевни.

XXIII. *Пернэ Маршан*, по прозвищу «пащенок ля Барра» — городской стражник, личность весьма малопочтенная. К нему Вийон возвращается неоднократно.

XXIV. *Козэн Шолет* — бочар, затем городской стражник, известный своей драчливостью. В 1465 г. сам находился в заключении.

Жан Лу — мусорщик и золотарь, вывозивший по реке нечистоты, затем — городской стражник.

XXV—XXVI. Суть этих двух строф в том, что «бедные маленькие сиротки» — *Жирар Госсуэн*, *Жан Марсо* и *Колэн Лоран* — на самом деле были богатыми ростовщиками. См. БЗ, CXVII—CXX и предисловие, стр. 40.

XXVII—XXVIII. Двух старых почтенных прелатов — *Гийома Котэна* и *Тибо Витри* — Вийон превращает в бедных школьников. Этим владельцам многочисленных домов он, как милость, предоставляет возможность ночевать в доме у *Гельдри*. Так назывался доходный дом капитула собора Парижской Богоматери на улице Св. Жака.

XXIX. *Жан де ля Гард* — богатый бакалейщик, один из самых уважаемых буржуа своего прихода.

XXXIV. *Пьер Мербеф* (Меребеф) — кулец-суконщик с улицы Ломбардцев.

Николай Лувье (Лувьер) — советник Счетной палаты.

Пьер де Руссевиль — нотариус Парижского суда, затем смотритель прудов и дорог в Гувье, близ Савлиса.

Принц Дураков — глава братства «дураков», участников «дураческих» процессий, соті.

БОЛЬШОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

I. *Тибо д'Оссиньи* — епископ Орлеанский и Менский (1452—1473), один из злейших врагов Вийона. За что он заключил поэта в «каменный мешок» своей тюрьмы в городе Мен-на-Луаре, не известно.

V. *Жан Котар* — прокурор вклерикального суда Парижа. К этому времени Вийон, видимо, уже сочинил «Балладу за упокой души мэтра Жана Котара». Поэтому он готов помолиться также и за д'Оссиньи (см. БЗ, I), то есть за упокой его души.

Пикары — приверженцы одной из религиозных сект.

VI. Вийон иронически ссылается на несуществующий стих псалма.

VII—XI. Вийон благодарит короля Людовика XI (1461—1483), который, проезжая через Мен-на-Луаре, амнистировал его в честь своей коронации.

XI. Здесь указывается точная дата, когда поэт писал «Большое Завещание», — 1461 год.

XII. *Аверроэс* — арабский ученый XII в., чьи комментарии считались необходимыми для понимания трудов Аристотеля.

XIII. «*Надежда*» — девиз герцога Бурбонского, ко двору которого Вийон направился после выхода из менской тюрьмы.

XV. «*Роман о Розе*» — широко известное в то время произведение Гийома де Лорриса и Жана де Мен, написанное в XIII в.

XVII—XX. Рассказ о пирате *Диомеде* почерпнут Вийоном скорее всего из книги «*Liber Scachorum*» Жака де Сессоля, переведенной на французский язык Жаном дю Винье. Именно дю Винье превратил Дионнда из цинцероновской «Республики» в Диомеда. А то, что Вийон приписал этот рассказ *Валерию Максиму*, римскому историку I в., автору книги «О замечательных деяниях и изречениях», объясняется обилием ссылок на последнего у Сессоля: Вийон писал по памяти — отсюда и его ошибка.

XXXV. Эта строфа дает те немногие сведения о семье Вийона, которыми мы располагаем. Вот ее дословный перевод: «Я был беден с юности, я из бедного и незнатного рода. Мой отец был небогат, его отец Орас — тоже. Бедность нас всех преследовала по пятам. На могилах моих предков... не увидишь ни корон, ни скинетров».

XXXVI. *Жак Кёр* — купец, крупнейший финансист, с 1440 г. королевский казначей. В 1451 г. из-за интриг дворянства лишился состояния и был изгнан из Франции. Умер в 1456 г.

Баллада о дамах былых времен. См. предисловие, стр. 18—19, 30.

Алжида — в подлиннике *Архириада* (*Archipiades*).

Элизэ — возлюбленная философа *Пьера Абеляра* (1079—1142), которого жестоко преследовали церковники.

Бланка — Бланка Кастильская (1188—1252), мать французского короля Людовика IX, была регентшей Франции.

Алиса — вероятно, *Элиса*, персонаж французского средневекового эпоса.

Берга — по прозвищу *Большеюгая*. Мать *Карла Великого* (*Шарлеманя*). Умерла в 783 г.

Буридан — французский философ XIV в. О его любовных историях ходили легенды.

Баллада о сеньорах былых времен.—Примечательно, что здесь Вийон вспоминает сеньоров, умерших в его время, если не считать *Бертрана Дюгеклена* (1320—1380) и

Шарлеманя, то есть Карла Великого (ок. 742—814), чье имя стоит в рефрене. Так, папа Калист III, Альфонсо Борджа—умер в 1458 г., герцог Бурбонский, Карл I—в 1456 г., Альфонс V Арагонский—в 1458 г., Артур III Бретанский—в 1458 г., Карл VII, король Франции—в 1461 г. Далее следуют Шотландец, король Шотландии Яков II, о котором в одном из документов сказано: «Половину лица имел он от рождения красную, как кровь»; король Испании и прочие, чьих имен поэт даже не знает, что видно из текста; Ланселот, Ласло Австрийский, король Богемии, умерший в 1457 г.; властитель Оверни Бери Овернский, умерший в 1426 г., и наконец герцог д'Алансон, Иоанн II. Кстати, тут Вийон, видимо, ошибся: он знал, что мятежный герцог был осужден на смерть в 1458 г., а потому и включил его в число «сеньоров былых времен». На самом же деле смертная казнь Иоанну II была заменена пожизненным заключением, и он погиб лишь в 1474 г. Возможно, впрочем, что Вийон имел в виду герцога Иоанна I, умершего в 1415 г., но это менее вероятно. Самая поздняя дата, упоминаемая в балладе,—смерть Карла VII (1461). Она указывает на то, что «Баллада о сеньорах былых времен» написана после 1461 г. и скорее всего одновременно с самим «Большим Завещанием».

Баллада на старофранцузском. — В действительности она написана не на настоящем старофранцузском языке, а является стилизацией, порой не совсем грамотной. Должно быть, это один из ранних опытов Вийона на общую для искусства его времени тему «данс макабр» («пляска смерти»).

XLII. Каким образом поэт оказался в Ревне, столице графства Бретань, и почему он был там мелким торговцем-разносчиком — неизвестно. Видимо, это была одна из многих профессий, за которые Вийон брался в годы изгнания.

Жалобы Прекрасной Оружейницы. — Сожаления старухи об ушедшей молодости можно было бы принять за литературное заимствование из «Романа о Розе» (см. ВЗ, XV).

если бы Прекрасная Оружейница не была таким же реальным лицом, как ткачиха Гийометта, башмачница Бланш и прочие «красотки, коих,— по свидетельству одного документа конца XV в., — в Париже было три тысячи, не считая предместий».

XLVII. *Фремен* — вымышленный персонаж, который якобы пишет под диктовку поэта (упоминается в БЗ, LXVIII, LXIX).

LII. *Грациан* — итальянский монах XII в., автор так называемого «Декрета», первого сборника папских декреталий (постановлений). Ссылка на него имеет явно пародийный смысл.

Двойная баллада о любви — интересна ироничным отношением Вийона к античным и библейским героям, пострадавшим от женщин. Особенно контрастно звучит в ней рассказ о реальном событии, о том, как Вийон был избит по приказу *Катерины де Воссель*, дом которой находился рядом с церковью св. Бенедикта. При этом избивении присутствовал *Ноэль*, — вероятно, Ноэль Жоли, оставивший поэта в беде, что явствует из последующего «дара» этому отпрыску богатой семьи (см. БЗ, CXLII).

LXIII. *Тибо д'Оссины* — см. БЗ, I.

LXIV. *Мэтр Робэр* — палач города Орлеана, с которым Вийону, видимо, пришлось иметь дело.

LXVI. *Пашенок ля Барра* — см. МЗ, XXIII.

LXVII. В числе «друзей», которых Вийон назначает распорядителями своего наследства, поэт называет *Робэна Туржи*, хозяина харчевни «Шиска», *Жана Провэна*, кондитера, и *Моро*, о котором ничего достоверного не известно.

LXVIII — LXIX. *Фремен* — см. БЗ, XLVII.

LXXVII — LXXVIII. В числе прочих даров поэт оставляет *Гийому Вийону* (см. МЗ, IX) свой роман в стихах «Тумба Черта» (в подлиннике — «Pet au Deable», см. предисловие, стр. 8).

Ги Табари — приятель Вийона, принимавший участие в ограблении Наваррского коллежа. Был схвачен и в июле 1458 г. под пыткой выдал всех участников грабежа (см. предисловие, стр. 10, 39).

LXXXI. *Мишо* — персонаж фавлю, неутомимый любовник.

LXXXIII. Прочсть балладу своей подруге поэт поручает *Пернэ ля Барру* (см. МЗ, XXIII), в обязанности которого входило, в частности, надзирать за гулящими девицами.

Баллада о подружке Вийона — одно из ранних произведений поэта. В акrostихе второй строфы стоит имя *Марта*. О ней известно лишь то, что Вийон ее когда-то любил и жестоко в ней обманулся.

LXXXIV. *Итье Маршан* — см. МЗ, XI.

De profundis (лат.) — буквально: «Из бездны», начало псалма, составляющего часть заупокойной службы.

LXXXV. *Жан Корню* — см. МЗ, XI.

Пьер Бобиньон — прокурор Парижского суда.

LXXXVII. Очевидно, *чета Сент-Аман* (см. МЗ, XII) была бездетной. Теперь Вийон вместо «Мула» и «Зебры», вывесок харчевен, дарит им коня и кобылу.

LXXXVIII. *Дени Эслен* — старейшина парижских торговцев.

Робэн Тюржи — см. БЗ, LXVII.

LXXXIX. *Итье Маршан* — см. МЗ, XI.

Гийом Шарьо — один из близких друзей Вийона.

XC. *Фурнье* — см. МЗ, XX.

XCI. *Жак Рагьер* — см. МЗ, XIX.

XCII. *Николай Лувер* и *Пьер Меребейф* — суконщики, уже упоминавшиеся выше (см. МЗ, XXXIV).

Харчевня тетки Машежу — находилась рядом со зданием Парижского суда.

XCIII. *Робэн Тюржи* — см. БЗ, LXVII. Здесь он получает права Вийона на должность *эшевена*, городского советника, должность выборную, на которую могли претендовать лишь коренные парижане.

XCIV. Адрес, который дает здесь Вийон, немислям. Стихи подлинника пародируют провинциализмы Пуату.

ХСV. *Жак Рагьер* — см. МЗ, XIX. *Жану Рагьеру* (см. МЗ, XVII) поэт завещает наесться до отвала у Байли, но суть в том, что *Жан де Байли* был прокурором Парижского суда, так что «угощение» предполагалось соответственное.

ХСVI. *Мишо дю Фур* — стражник, принимавший участие в расследовании дела об ограблении Наваррского коллежа (см. предисловие, стр. 10, 11). Был хозяином таверны и мясной лавки в Сен-Жермен-де-Прэ.

Принц Дураков — см. МЗ, XXXIV.

ХСVII. *Дени Рише* и *Жан Валлет* — сержанты городской пешей стражи Парижа.

ХСVIII. *Пернэ Маршан* — см. МЗ, XXIII.

ХСIX. *Шолет* — см. МЗ, XXIV.

С. *Жан Лу* — см. МЗ, XXIV.

CI. *Жан Маэ* — сержант Парижского суда, помощник палача. Поэт оставляет ему дар столь эротический, что точно перевести текст оригинала затруднительно.

СII. *Жан Ру* (или Риу) — капитан городской стражи и торговец кожами и мехами.

СIV. *Робинэ Тракайль* — сборщик податей, затем королевский секретарь. Видимо, отличался большой скупостью, если Вийон дарит ему горшок, как вещь, недостающую в доме.

СV. *Перро Жирар* — цирюльник из *Бур-ля-Рен*, предместья Парижа.

Аббатиса из Пурраса — аббатиса женского монастыря Пор-Руаяль, Югетта дю Амель, в 1463 г. лишенная сана за распутное поведение.

СVIII. Здесь Вийон перечисляет тех, кто восставал против нищенствующих монахов. *Мэтр Матье* — Матеолус, автор «Сожалений Матеолуса» (1286), переведенных с латыни на французский язык около 1372 г. Жаном ле Фэвром. *Жан Пулье* (Пуйли) — доктор теологии парижского университета; за на

падки на монахов вынужден был в 1321 г. принести публичное покаяние. *Жан де Мен* тоже посвятил монахам ряд язвительных строк в «Романе о Розе» (см. БЗ, XV).

CX. *Бод де ля Мар* — монах монастыря Нотр-Дам-дю-Карм на площади Мобэр в Париже. *Тюскэ* — капитан городской стражи.

CXII. *Шлюшонка-лейтенант Массэ*. — Действительно был такой лейтенант стражи Массэ д'Орлеан. Надо полагать, он сильно досадил Вийону, если поэт удостоил его подобной характеристики.

CXIII. *Франсуа де ля Вакери* — следователь клерикального суда, которому Вийон, как ученик Сорбонны, а стало быть, клирик, был подсуден.

Апри Кузэн — палач города Парижа.

CXIV. *Жан Лоран* — следователь клерикального суда.

CXV. *Жан Котар* — см. БЗ, V. Кто такая *Дениза*, остается неясным.

Баллада за упокой души мэтра Жана Котара. — В начале баллады Вийон шутивно-иронически обращается к трем персонажам Библии: Ною, Лоту и жениху на свадьбе в Кане Галилейской, для которого Христос претворил воду в вино. В таком фамильярном обращении не было ничего еретического: оно характерно для его эпохи.

CXVI. *Юный Мерль* — скорее всего Жермэн де Мерль, сын Жана де Мерль. Оба были менялами. Используя арготические названия монет, поэт предлагает самые несуразные обменные операции.

CXVII—CXX. Эти строфы посвящены тем же «трем бедным маленьким сироткам» (в действительности богатым ростовщикам), о которых уже шла речь. См. МЗ, XXV—XXVI и предисловие, стр. 40.

Пьер Ришье — профессор факультета теологии в Сорбонне.

«Донат» — латинская грамматика. Поэт играет на созвучиях: «Donat» («Донат») — donat (дает), «Credo» («Кредо») — crédit (кредит).

CXXI—CXXIV. Здесь речь идет об уже упомянутых ранее двух старых прелатах — Тибо Витри и Гийоме Котэне (см. МЗ, XXVII—XXVIII), но поэт не называет их по именам.

Гийом Гельдри — см. МЗ, XXVII—XXVIII.

CXXV. *Мишо Кюль д'У* — ршевен (см. БЗ, XCIII), а позднее глава корпорации буржуа города Парижа, человек весьма состоятельный, так же как и *Шарло Таранн*, ростовщик и меняла.

CXXVI. *Сеньор де Гриньи* — см. МЗ, XVIII.

Бисетр — см. МЗ, XVIII.

Дворец Бийли — дом на правом берегу Сены.

CXXVII. Оскорбительный смысл строфы усугублен не только тем, что Вийон делает вид, будто позабыл, как зовут бакалейщика *ля Гарда* (см. МЗ, CXXIII) — Тибо или Жан; дело еще и в том, что эти два имени, поставленные рядом, обозначали рогоносцев вообще.

Пьер Женевау — в 1438 г. от имени капитула собора Парижской богоматери вел процесс против церковной общины св. Бенедикта, к которой принадлежал Гийом Вийон (см. МЗ, IX). Но поэт не знал, что ко времени написания этих строк Пьер Женевау уже умер (31 апреля 1461 г.).

«*Бочка*» — название харчевни.

CXXVIII. Строфа очень трудна по смыслу: поэт просит аудитора Парижского суда *Жана де Рюэля* отпустить судебским писцам и следователям *Мотэцу*, *Базанье* (см. МЗ, XX) и *Ронэлю* гвоздики. Известно, что брат Жана де Рюэля был бакалейщиком. «Дар» явно проницательский, тем более что Вийон передает трех судебных крючков в руки прево (королевского судьи), которого называли *слуга святого Христофора*.

CXXIX. *Парижский прево* с 1447 г., Робэр д'Эстувиль на турнире в Сомюре в 1446 г. победил короля Сицилии *Ренэ* и

вскоре женился на Амбруазе де Лоре, чье имя стоит в акростихе следующей за этой строфой «Баллады прево-младожену».

Баллада прево-младожену. — Написана в 1447—1448 гг. в условном аллегорическом стиле и совершенно не характерна для Вийона. Тем не менее он включает ее в текст «Большого Завещания» — ход весьма понятный в положении поэта, который нуждался в могущественном покровителе. Но Вийон не знал, что еще 30 августа 1461 г. Робэр д'Эстувиль (см. БЗ, СХХІХ), которому посвящена баллада, был смещен со своего поста Людовиком XI. Это лишний раз доказывает, что «Большое Завещание» поэт создавал вне Парижа.

СХХХ. *Франсуа и Жан Пердье* — сыновья парижского мясника, бывшие друзья Вийона. Одип из них, Жан, оклеветал поэта перед архиепископом Буржа — еще одна биографическая деталь, о которой мы узнаем из текста.

СХХХІ. *Тайлеван* — знаменитый повар французского короля Карла VI (1380—1422).

Маг Макэр — имя нарицательное, скверный повар и отравитель.

Баллада о том, как варить языки клеветников. — Здесь нагромождены все ужасы кухни алхимиков и мерзости средневекового быта. См. предисловие, стр. 23.

В крови, что сохнет у цирюлен... когда луна встает в часы прилива... — Полнолуние, совпадающее с наивысшими приливами, считалось лучшим временем для кровопусканий, к которым для профилактики прибегали не только больные, но и здоровые люди.

СХХХІІ—СХХХІІІ. *Андрэ Куро* — парижский юридический представитель короля Ренэ Анжуйского. Видимо, Вийон пытался через Куро приблизиться к королю-поэту, но безуспешно. Отсюда и грустный тон всей строфы.

Франк Гонтье — персонаж поэмы Филиппа де Витри (ок. 1290—1361) «Франк Гонтье», где прославляются прелести па-

стусеской жизни Фраяка и его подружки Елены на лоне природы, — поэмы, весьма схожей по мысли с пасторалью самого Рене Анжуйского «Рено и Жанветтон, или Любовь пастуха и пастушки». Горожанин и бедняк, которому природа была всегда враждебна в его странствиях, Вийон, не решаясь прямо вступить в спор с королем, спорит с Франком Гонтье.

Баллада-спор с Франком Гонтье — своеобразное кредо Вийона, поэта-горожанина. «Прелестям» сельской жизни он противопоставляет удобства городского быта, которые для него, голодного, бездомного бродяги, представлялись наивысшим счастьем.

CXXXIV. *Девуца де Брюйер* — в действительности богатая семидесятишестилетняя вдова, владелица межевого камня Pet au Deable (см. предисловие, стр. 8).

CXXXV. *Макробий* — латинский писатель V в., автор «Сатурналий», во времена Вийона — непререкаемый авторитет в вопросах красноречия.

CXXXVI. Речь идет об оскудевшем монастыре на Монмартре, монахини которого славились своей распущенностью. Отсюда и пожелание поэта: «Чтоб стал он выше всех домов». Какие «дома» имеются в виду, догадаться не трудно, тем более что Вийон дарит этому женскому монастырю мужской монастырь с холма Святого Валерьяна и «отпущение грехов».

CXXXVIII—CXXXIX. *Селестины* (или *селестинцы*) и *якобиты* — монашеские ордена, *Шартрѣз* — название известного монастыря.

Баллада о Толстухе Марго — См. предисловие, стр. 37.

Bvulare bigod — искаженное английское ругательство by'r Lord by God.

CXLI. *Марион-Карла* и *Жанна* — девушки легкого поведения. В этой строфе Вийон вновь вспоминает «каменный мешок» женской тюрьмы (см. БЗ, 1).

СХLII. *Поэль Жоли* — см. прим. к «Двойной балладе о любви». *Апри* — см. БЗ, СХIII.

СХLIV. *Колэн Галери* — цирюльник, жил в центре Парижа — Ситэ, по соседству с *Анжело Божи*, собирателем целебных трав.

СХLV. *Марион-Карга* — см. БЗ, СХLI.

Урок Вийона. — *Рюэль* — переулок вообще, *Монпипо* — крепость близ Мена-на-Луаре. На воровском жаргоне «ходить в Рюэль» означает грабить, «ходить в Монпипо» — воровать.

Колэн Кайо — друг Вийона по Сорбонне, сын слесаря, ставший вором, инициатор ограбления Наваррского коллежа (см. предисловие, стр. 10). Повешен в 1460 г.

Баллада добрых советов ведущим дурную жизнь. — Интересно, что в этой балладе Вийон сваливает в одну кучу монахов, писцов, шулеров, грабителей, воров, лже-свидетелей и актерскую братию, которая «по городам и селам представляет фарсы, игрища и моралитэ», огульно называя всех их «грязью». Дело в том, что это выражение — грязь, скверна — ходячая церковная формула, объединявшая преступников и лицедеев. Вийон употребляет ее в ироническом смысле, что явствует из баллады.

СХLVII—СLII. Эти строфы навеяны воспоминанием о парижском кладбище Невинно-убитых младенцев, где трупы, сложенные в нишах стен друг на друга, так и истлевали, образуя горы скелетов.

СLIII. *Жак Кардон* — см. МЗ, XVI.

Марьон — о ней ничего не известно.

СLIV. *Мэтр Ломэ* — очевидно, Пьер Ломэ д'Эрэн, которому 29 октября 1456 г. капитул собора Парижской богородицы поручил очистить прилегающие к собору улицы от гулящих девиц. Этот факт в какой-то мере поясняет смысл строфы.

Ожье Датчанин — герой французского средневекового эпоса, прославленный своими любовными похождениями.

CLV. *Аэн Шартье* (1385—1433) — французский поэт. Вийон пародирует его сентиментальный стиль.

CLVI. *Жак Жан* — владелец бани, которую посещали главным образом прститутки.

CLVII. *Сенешал* — глава королевской юстиции в городе или провинции. О каком именно сенешале идет речь, неизвестно.

CLVIII. *Маркэ* по прозвищу Толстяк и *Филебэр* — сержанты городской стражи и подручные палачей; к тому времени оба уже были уволены в отставку по возрасту.

CLIX. *Жан Капеллан* — сержант городской стражи.

CLX—CLXII. *Жан де Калэ* — нотариус Парижского суда.

С этих строф начинается заключительная часть поэмы, довольно точно имитирующая пастоящее завещание. Вийон соблюдает все формальности: он назначает нотариуса, определяет место своего погребения, заказывает свой портрет для потомства, сочиняет текст эпитафии, приказывает звонить по нему в колокол и назначает звонарей, устанавливая им плату, называет исполнителей и огласителя завещания, того, кто должен позаботиться о свечах, тех, кто понесет гроб, и, наконец, как подобает доброму христианину, у всех просит прощения. Все эти формальности выдержаны в строгой последовательности юридического документа, но смысл волеизъявлений Вийона становится все саркастичнее и злее.

CLXIII. *Прошу, чтобы меня зарыли в Сент-Авуа...* — Церковь Сент-Авуа стояла на столбах, и хоронить там было невозможно.

CLXVII. *Гийом Воллант* — богатый купец.

Жан де ля Гард — см. МЗ, XXXIII.

Иронический смысл строфы в том, что в звонари обычно нанмали самых последних бедняков.

CLXIX—CLXXI. Исполнителями завещания Вийон сначала назначает людей весьма почтенных и богатых: лейтенанта по уголовным делам, а позднее советника Парижского суда *Мар-*

тина Бельфа, королевского советника сира *Гийома Коломбель* и сына главы купеческого объединения *Мишеля Жувенель*. На тот случай, если они откажутся, Вийон назначает «тех, что познатнее родом», и называет трех уже упомянутых проходивцев — *Филиппа Брюнеля* (см. МЗ, XVIII), *Жака Рагьера* (см. МЗ, XIX) и *Жака Жама* (см. БЗ, CLVI), которые к тому же, за исключением Жама, не имели материальной возможности выполнить волю Вийона.

CLXXII. ...*Ne findet ni quid ni quod...*— то есть не найдет ничего (лат.)

Том Трикот — приятель Вийона по Сорбонне, имевший, как и поэт, степень магистра искусств.

Притон Перетты — действительно существовал на улице Фэв в Ситэ, напротив харчевни «Шипка».

CLXXIII. *Гийом Рю* — оптовый винооторговец.

Баллада последняя. — Замечательны ее заключительные строки: «Узнай, что он сделал, перед тем как уйти: выпил (последний) глоток вина морийон...» Морийон — темнокрасное густое вино. Но в то же время это «смертельное», «смертельное» вино, ибо *mort* («мор») по-французски значит смерть.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Баллада-завет Вийона. — Возможно, в ней отразились попытки Вийона подладиться к тем буржуазным кругам, в которые он был вхож благодаря своему приемному отцу Гийому Вийону. Видимо, эта баллада написана до 1456 г. Стиль и язык ее подтверждают такое предположение.

Баллада истины наизнанку. — См. предисловие, стр. 27—28.

Баллада проклятий врагам Франции. — Несмотря на свою тяжеловесность и нагромождение всяческих уценостей, эта баллада пронизана духом истинного патрио-

тизма. Любопытна она и тем, что дает представление о круге знаний, которыми обладал Вийон. Мы встречаем здесь аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном, Илион, прекрасную Елену, Прозерпину, Дедала, Тантала, Нарцисса, Феба, Венеру, Эола — целую вереницу образов античной мифологии. Рядом с ними исторические имена — Сарданпал, император Октавиан (в переводе опущен) — и образы из Библии, Евангелия, жития святых: Навуходоносор, святой Виктор, Симон Маг, Иов, Иона, Иуда, Мария Магдалина, — кстати, здесь Вийон путает: он, конечно, имел в виду Марию Египетскую.

Рондо («Жаннэ л'Авеню...») — шуточное стихотворение. Имя *Жаннэ л'Авеню* — собирательное, нечто вроде Иванушки-дурачка, но без того возложительного смысла, какой имеет этот образ в русском фольклоре.

Баллада поэтического состязания в Блуа. — Написана в 1458 г., когда Вийон во время своих скитаний задержался в Блуа, при дворе герцога Карла Орлеанского. Из текста баллады известно, что какое-то время поэт получал от герцога-мецената содержание наравне с другими придворными поэтами, но, видимо, вскоре был его лишен.

Баллада-послание герцогу Бурбонскому. — Рассорившись с Карлом Орлеанским, Вийон отправился в Бурбон, на родину своих предков, в город Муэн, резиденцию Иоанна II, герцога Бурбонского. Об отношениях, сложившихся у поэта с герцогом, ясно сказано в балладе. Поражает тон этого «прошения» — независимый и дерзкий, а также «приписка на обороте послания», встречающаяся в поэзии тех времен не часто.

Баллада-послание друзьям. — Написана летом 1461 г. в Мене-на-Луаре, когда Вийон сидел в тюрьме епископа Тибо д'Оссины (см. БЗ, I).

Спор Сердца и Тела Вийона. — См. предисловие, стр. 11, 22.

Гнетет Сатурна тяжкая рука... — Поверие, будто судьба каждого человека зависит от звезды, под которой он родился, было широко распространено, хотя и отвергалось богословами Сорбонны.

Баллада Судьбы. — Это произведение трудно датировать точно: оно могло быть написано до зимы 1461 г., то есть до «Большого Завещания», или после, то есть уже летом 1462 г.

Четверостишие. — См. предисловие, стр. 12, 25.

Баллада повешенных. — См. предисловие, стр. 12.

Баллада-обращение к тюремному сторожу Гарнье. — *Этьен Гарнье*, вероятно, уговаривал Вийона примириться со смертным приговором (см. предисловие, стр. 12). Баллада, по видимому, написана после 5 января 1463 г.

Капел-мясник. — Речь идет о французском короле Гуго Капете (987—996), который, по преданию, происходил из рода мясников. Помощник прево, Пьер де ля Дээр, принимавший участие в пытках и осуждении Вийона, тоже происходил из семьи мясников, так что намек имеет двойной смысл.

Клотарь — король франков (558—561).

Баллада-восхваление Парижского суда — очевидно, последнее произведение Вийона. Должно быть, он получил испрашиваемую трехдневную отсрочку на сборы и ушел из Парижа навстречу своей гибели, потому что больше о нем никаких достоверных сведений не сохранилось.

Ф. Мендельсон

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Л. Пинский. Поэзия Франсуа Вийона . . . . .</i>	5
<i>Малое Завещание. Перевод Ф. Мендельсона . . .</i>	46
<i>Большое Завещание. Перевод Ф. Мендельсона .</i>	62
<i>Баллада о дамах былых времен . . . . .</i>	77
<i>Баллада о сеньорах былых времен . . . . .</i>	79
<i>Баллада на старофранцузском . . . . .</i>	81
<i>Жалобы Прекрасной Оружейницы . . . . .</i>	85
<i>Баллада-завет Прекрасной Оружейницы гулящим девкам . . . . .</i>	89
<i>Двойная баллада о любви . . . . .</i>	94
<i>Баллада-молитва богородице . . . . .</i>	105
<i>Баллада подружке Вийона . . . . .</i>	108
<i>Рондо («О Смерть, как на душе темно!..») . . . . .</i>	110
<i>Баллада за упокой души мэтра Жана Котара . . . . .</i>	122

Баллада прево-младожену	129
Баллада о том, как варить языки клеветников	132
Баллада-спор с Франком Гонтье	135
Баллада о парижанках	137
Баллада о Толстухе Марго	141
Урок Вийона	145
Баллада добрых советов ведущим дурную жизнь	147
Рондо («На воле вновь после тюрьмы...»)	152
Рондо («Да внидет в рай его душа!...»)	157
Баллада, в которой Вийон у всех просит прощения	161
Баллада последняя	163

Стихотворения

Баллада-завет Вийона. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	167
Баллада пословиц. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	169
Баллада примет. <i>Перевод И. Эренбурга</i>	171
Баллада истин наизнанку. <i>Перевод И. Эренбурга</i>	173
Баллада проклятий врагам Франции. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	175
Рондо («Жанэн л'Авению...»). <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	177
Баллада поэтического состязания в Блуа. <i>Перевод И. Эренбурга</i>	178
Баллада-послание герцогу Бурбонскому. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	180
Баллада-послание друзьям. <i>Перевод И. Эренбурга</i>	182
Спор Сердца и Тела Вийона. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	184

Баллада Судьбы. Перевод Ф. Мендельсона	186
Четверостишие. Перевод И. Эренбурга	188
Баллада повешенных. Перевод Ф. Мендельсона	189
Баллада-обращение к тюремному сторожу Гарнье. Перевод Ф. Мендельсона	191
Баллада-восхваление Парижского суда. Перевод Ф. Мендельсона	193
Примечания Ф. Мендельсона	195

Франсуа Вийон

СТИХИ

Редактор *Б. Вайсман*

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор *А. Трошим*

Корректор *Е. Пагина*

Сдано в набор 5/1 1963 г.

Подписано в печать 20/VI 1963 г.

Бумага 70 × 108¹/₃₂—6,75 печ. л.

9,24 усл. печ. л. 7,452 уч.-изд. л.

Тираж 25000. Зак. 1098. Цена 34 коп.

Гослитгиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография № 2 им. Евг. Соколовой

УЦБ и ИП Ленсовнархоза

Ленинград, Измайловский пр., 29

